

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование)

40.06.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Уголовный процесс

(направленность (профиль))

НАУЧНО-КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА(ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Правосубъектность должностных лиц органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве»

Аспирант

К.А. Корчагина

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

д.ю.н., доцент, С.И. Вершинина

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Допустить к представлению научного доклада

Заведующий кафедрой канд. юрид. наук, доцент, С.В. Юношев

(ученая степень, звание, Инициалы Фамилия)(личная подпись)

Тольятти 2024

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Уголовно-процессуальная правосубъектность: правовая природа, понятие, виды и процесс формирования	16
1.1 Понятие правосубъектности в общей теории права и уголовно-процессуальной науке.....	16
1.2 Теоретико-правовой анализ понятия «субъекты уголовно-процессуального права»	27
1.3 Виды правосубъектности должностных лиц органов прокуратуры	40
1.4 Функции прокурора в уголовном процессе и их осуществление должностными лицами органов прокуратуры	60
Глава 2 Правосубъектность прокурора в уголовном процессе (в рамках должностной правосубъектности).....	74
2.1 Правовая природа, структура и содержание должностной правосубъектности прокурора.....	74
2.2 Полномочия прокурора по надзору за деятельностью органов предварительного расследования.....	84
2.3 Полномочия прокурора по осуществлению уголовного преследования (обвинения).....	101
Заключение	122
Список используемой литературы и используемых источников.....	129

Введение

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена тем, что до настоящего времени уголовно-процессуальная правосубъектность не имеет законодательного признания и оформления, именно наука, изучая данный феномен, должна устранить его категориальную неопределенность и предоставить научному сообществу обоснованные результаты, подтверждающие нужность, либо ненужность термина для его использования в правоприменительной деятельности. Следовательно, чтобы определить полезность для уголовно-процессуальной науки и практики термина «правосубъектность», необходимо не только раскрыть его уголовно-процессуальное понятие, но и установить соотношение с устоявшимися в правовой теории категориями «субъект права», «правовой статус», «правоспособность» и «дееспособность», и показать существующие между ними связи и соотношения, применив полученную модель к сфере уголовного судопроизводства.

Вступление субъекта уголовно-процессуального права в уголовно-процессуальные правоотношения обусловлено наличием у него особого правового статуса, правоспособности и дееспособности, поэтому определение понятия, содержания и соотношения правосубъектности с данными правовыми категориями, имеет безусловно важное значение для уголовно-процессуальной науки. Не случайно обозначенные вопросы нашли отражение в научных трудах процессуалистов второй половины XX века[55] и в настоящее время не теряют своей актуальности, как в части изучения общих вопросов правосубъектности [16, с. 121-122], так и применительно к правосубъектности отдельных участников судопроизводства - свидетеля[10], адвоката[120], прокурора[11], переводчика [72, с. 7] и других.

Как верно отметил Л.В. Головкин: «Государство выстраивает уголовное судопроизводство как сложную институционально-функциональную систему, где государство в лице своих органов вынуждено решать сразу несколько

задач (выполнять сразу несколько функций), обеспечивая объективное расследование, поддержание обвинения, правосудие» [42]. В указанной триаде процессуальных функций и составляющих их содержание процессуальных полномочий, обозначена осуществляемая прокурором процессуальная функция уголовного преследования или обвинения.

Исследуя функции прокурора, а именно осуществление их на досудебном и судебных этапах уголовного судопроизводства, подтверждается факт того, что именно он занимает главенствующее место в уголовном процессе. Данную тематику, в большей степени, начинают рассматривать от Судебной реформы 1864 года и на протяжении сотни лет до сегодняшнего дня.

Степень научной разработанности диссертационного исследования отражает уровень изученности проблем прокурорского надзора и уголовного преследования, что является объектом многолетнего внимания российских исследователей. В ходе исследования были учтены как классические труды, так и современные исследования в области уголовно-процессуального права.

Вклад в разработку проблем прокурорского надзора внесли такие исследователи, как В.Б. Ястребов, который рассматривал сложности обжалования предписаний прокурора и необходимость упрощения этого механизма, а также И.С. Дикарев, отмечавший важность надзорной функции прокурора в досудебном производстве. Важные аспекты уголовного преследования были проанализированы в трудах Е.А. Буглаевой, которая предложила передать полномочия по заключению досудебных соглашений о сотрудничестве следователю, что стало объектом обсуждения в рамках данного исследования.

Отдельное внимание уделено работам В.В. Долежана, который предложил более широкое понимание правозащитной функции прокурора, включающей охрану не только прав граждан, но и интересов государства и общества. Это положение дополняет концепцию расширения роли прокурора в судебных стадиях и необходимости нормативного закрепления его функций.

Многие аспекты прокурорского надзора и уголовного преследования остаются дискуссионными, как указывали С.В. Клещев, И.С. Дикарев и другие авторы. Например, С.В. Клещев подчеркивает важность ответственности органов расследования за возбуждение уголовного дела, что должно учитываться при совершенствовании прокурорских полномочий.

Таким образом, диссертация базируется на фундаментальных трудах исследователей, но многие аспекты, такие как соотношение функций надзора и уголовного преследования, требуют дальнейшей теоретической разработки и совершенствования правового регулирования.

Объект исследования представляет собой совокупность правоотношения, которые возникают у сотрудников органов прокуратуры при исполнении ими их полномочий на всех этапах уголовного судопроизводства.

Предметом исследования является совокупность норм уголовно-процессуального права, ведомственных актов других нормативно-правовых актов, непосредственно регулирующих правосубъектность сотрудников органов прокуратуры.

Цель является юридический анализ действующего законодательства, регулирующего деятельность прокурора в досудебном и судебном производстве, результаты которого позволят определить предмет и содержание его функций: надзора прокурора за деятельностью органов предварительного расследования.

Цель, объект и предмет диссертационного исследования обусловили постановку следующих задач:

- определить правосубъектности в общей теории права и уголовно-процессуальной науке;
- провести теоретико-правовой анализ понятия «субъекты уголовно-процессуального права»;
- выделить виды правосубъектности должностных лиц органов прокуратуры;

- раскрыть функции прокурора в уголовном процессе и их осуществление должностными лицами органов прокуратуры;
- определить правовую природу, структуру и содержание должностной правосубъектности прокурора;
- определить и охарактеризовать полномочия прокурора по надзору за деятельностью органов предварительного расследования;
- определить и охарактеризовать полномочия прокурора по осуществлению уголовного преследования (обвинения).
- систематизация полномочий прокурора в сфере уголовного преследования, выявление правовых пробелов и противоречий в их нормативно-правовом регулировании, а также разработка предложений по совершенствованию законодательства с целью обеспечения более эффективного функционирования системы уголовного правосудия.

Для исследования правосубъектности должностных лиц органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве был использован комплексный правовой анализ, включающий изучение нормативно-правовых актов, судебной практики, а также сравнительный анализ теоретических и практических подходов к данной проблематике. Исследование проводилось в несколько этапов:

Во-первых, анализ нормативных актов и уголовно-процессуальных норм. На первом этапе были изучены основные положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), регулирующие процессуальный статус прокуроров и иных должностных лиц органов прокуратуры. Особое внимание было уделено положениям статей 5, 37, 246 УПК РФ, касающимся правосубъектности прокуроров в различных стадиях уголовного процесса;

Во-вторых, сравнение теоретических и практических подходов. На втором этапе исследовалась научная литература, посвященная процессуальным статусам должностных лиц прокуратуры. Проведен

критический анализ теорий, представленных в научных работах (например, касающихся функций прокурора как обвинителя и надзирающего органа). Теоретические выводы были сопоставлены с действующим уголовно-процессуальным законодательством и судебной практикой;

В-третьих, определение правовых статусов должностных лиц органов прокуратуры. На основе анализа были выделены два ключевых правовых статуса: 1) должностной статус прокурора как руководителя органа прокуратуры, и 2) уголовно-процессуальный статус, приобретенный на определенный этап уголовного судопроизводства;

В-четвертых, выявление функциональных различий. В ходе исследования были определены различия между процессуальными функциями, выполняемыми должностными лицами прокуратуры на различных стадиях уголовного судопроизводства. Эти различия были выявлены на основе анализа судебных актов и решений, принятых органами прокуратуры.

На каждом из этапов исследования анализировались действующие нормативно-правовые акты, проводилось сопоставление теоретических положений с реальной практикой и давалась оценка эффективности существующей системы регулирования правосубъектности должностных лиц органов прокуратуры.

Для выявления сходств и различий в правосубъектности прокуроров в разных правовых системах был применен сравнительно-правовой подход. Формально-юридический метод даёт возможность тщательно проанализировать действующее законодательство, регулирующее правовой статус прокуроров, выявить существующие проблемы и пробелы. Особое внимание уделено анализу правоприменительной практики, что позволяет изучить реальное функционирование правосубъектности прокуроров в судопроизводстве и её влияние на эффективность уголовного процесса.

Теоретическую базу исследования составили научные труды известных учёных, как Шебанов А.Ф., Строгович М.С., Алексеев Н.С., Баев О.Я.,

Буланова Н.В., Шейфер С.А., Головки Л.В., Лазарева В.А. и других процессуалистов, что способствует глубокому пониманию и анализу эволюции функций прокурора. В ходе исследования также учитываются результаты диссертационных работ, защищенных в последние годы, таких как работы Буглаевой Е.А. «Участие прокурора в ходе предварительного следствия», Тушина А.А. «Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации: система функций и полномочий» и Коломеец Е.В. «Использование прокурором средств реагирования в досудебном производстве».

Исследование основывается на следующей нормативно-правовой базе: Конституции РФ, действующее российское уголовно-процессуальное законодательство, в том числе Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», Приказы Генпрокуратуры и другие. Вся вышеперечисленная нормативно-правовая база составляет основу правового статуса должностных лиц прокуратуры в уголовном судопроизводстве.

Эмпирическая база диссертационного исследования включает анализ определений Конституционного суда, Постановлений Пленума Верховного суда, судебных решений по уголовным делам на различных стадиях уголовного судопроизводства.

Также эмпирическую основу составляют материалы конкретных уголовных дел, в которых на разных этапах процесса были задействованы прокуроры, что позволило оценить практическую реализацию их функций. Анализ примеров судебных прецедентов, связанных с применением норм Уголовно-процессуального кодекса РФ, а также наблюдения за деятельностью прокуратуры в конкретных правоприменительных ситуациях способствовали получению репрезентативных данных для выработки научных выводов.

Личный опыт автора в сфере правоприменительной деятельности также внес значительный вклад в формирование эмпирической базы исследования.

Научная новизна диссертации заключается в комплексном исследовании правосубъектности должностных лиц органов прокуратуры в уголовном

судопроизводстве, что ранее не было полноценно изучено в существующей правовой литературе. В работе впервые предложен новый подход в обосновании правосубъектности должностных лиц органов прокуратуры, совершенствования правового статуса прокурора в части его надзорных и процессуальных функций на различных стадиях уголовного судопроизводства, включая досудебное расследование и судебное разбирательство.

Диссертация раскрывает новые аспекты взаимодействия прокурора с другими субъектами уголовного процесса, обосновывая необходимость разделения должностной и процессуальной правосубъектности прокурора. Это позволяет более точно регламентировать его полномочия и повысить эффективность прокурорского надзора и уголовного преследования.

Также автором впервые систематизированы и проанализированы проблемы, связанные с правовым статусом прокурора, исходя из современного состояния уголовно-процессуального законодательства и практики его применения, что позволяет предложить конкретные законодательные изменения, направленные на устранение правовых пробелов и противоречий в регулировании полномочий прокурора.

Научная новизна исследования находит своё отражение в положениях, выносимых автором на защиту:

- Субъект отраслевого права – это виртуальное лицо, созданное юридическими предписаниями, обладающее определенным набором прав, обязанностей и ответственности в конкретной сфере/отрасли правового регулирования. У каждого субъекта отраслевого права есть свой период «правовой жизни», который начинается с момента получения лицом статуса субъекта права, а завершается – с его прекращением. Правовой статус субъекта права включает в себя следующие обязательные элементы, подлежащие обязательному нормативно-правовому закреплению: 1) основания приобретения статуса субъекта права; 2) основания прекращения статуса субъекта

права; 3) последовательность получения право- и дееспособности (порядок формирования правосубъектности); 4) перечень отраслевых прав, обязанностей и ответственности.

- Правосубъектность как юридическое свойство субъекта отраслевого права, основанное на совокупности отраслевой право- и дееспособности, имеет различный порядок формирования; в одних отраслях правосубъектность формируется поэтапно: первоначально лицо получает лишь правоспособность, а затем через какое-то время приобретает дееспособность и становится правосубъектным (поэтапное формирование правосубъектности); в других отраслях лицо одновременно приобретая право- и дееспособность становится правосубъектным (одномоментное формирование правосубъектности). Процессуальная правосубъектность субъектов уголовно-процессуального права формируется в порядке одномоментного приобретения ими право- и дееспособности при получении процессуального статуса и проявляется в течение всего периода «правовой жизни» субъекта права.
- Процессуальная правосубъектность должностных лиц органов прокуратуры возникает с момента получения ими процессуальных статусов следующих субъектов права: прокурор; государственный обвинитель; надзирающий прокурор.
- Содержание правового статуса субъекта составляет совокупность элементов, наличие которых обязательно: 1) собственное юридическое имя (наименование) субъекта права; 2) основания получения статуса субъекта права; 3) порядок приобретения правоспособности и дееспособности; 4) перечень и содержание прав и обязанностей субъекта права; 5) основания, вызывающие прекращение (окончание) статуса.
- Виды правосубъектности должностных лиц органов прокуратуры:

- а) должностная правосубъектность руководителя органа прокуратуры и вышестоящего прокурора, обладающих государственно-властными полномочиями в отношении подчиненных сотрудников и органов предварительного расследования;
 - б) уголовно-процессуальная правосубъектность должностных лиц органов прокуратуры, проявляющейся в двух процессуальных статусах:
 - 1) государственного обвинителя – одного из основных участников судебного разбирательства, обеспечивающего уголовное преследование (обвинение) виновных лиц;
 - 2) иного прокурора – как участника судебных заседаний, проводимых на любых стадиях судопроизводства, за исключением судебного разбирательства.
- Правовой статус должностных лиц органов прокуратуры:
- а) «прокурор» - как руководитель органа прокуратуры обладающий должностной, универсальной правосубъектностью, позволяющей ему в сфере уголовного судопроизводства осуществлять две государственно-властные функции:
 - 1) надзор за деятельностью органов предварительного расследования;
 - 2) обвинение (уголовное преследование);
 - б) «вышестоящий прокурор» - это руководитель вышестоящего органа прокуратуры обладающий должностной правосубъектностью, позволяющей ему осуществлять контроль в отношении нижестоящих прокуроров и подчиненных сотрудников на основании ФЗ «О прокуратуре РФ»;
 - в) «государственный обвинитель» - это уникальный субъект уголовно-процессуального права, возникающий на стадиях

судебного разбирательства и апелляционного производства, посредством принятия должностным лицом органа прокуратуры поручения прокурора о поддержании государственного обвинения и получающий в связи с этим процессуальную правосубъектность;

- г) «иной прокурор» - это уникальный субъект уголовно-процессуального права, возникающий на стадиях досудебного производства, а также проверочных судебных стадиях, посредством принятия должностным лицом органа прокуратуры поручения прокурора об участии в судебных заседаниях, не связанных с уголовным преследованием, и получающий в связи с этим процессуальную правосубъектность.

Теоретическая значимость диссертации «Правосубъектность должностных лиц органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве» заключается в том, что она представляет важность для развития общей теории права вообще и теории уголовного процесса в частности. Исследование, ее представление о правосубъектности должностных лиц прокуратуры, раскрывая её специфику в контексте уголовного судопроизводства. В ней также описаны различия между процессуальной и должностной правосубъектностью, что является новым подходом к определению ролей прокуроров в различных процессуальных ситуациях.

В рамках диссертации также сформулированы предложения по совершенствованию концепции правосубъектности в законодательстве, что может стать основой для дальнейших исследований и изменений в правовой доктрине.

По итогам исследования сформулированы новые подходы к пониманию и регулированию роли прокурора в судебных стадиях уголовного судопроизводства, а также обоснована необходимость разграничения и правовой регламентации двух видов правосубъектности (должностной и

уголовно-процессуальной), что может способствовать более эффективному разделению функций прокурора в процессе.

Практическая значимость проявляется в выделении основных процессуальных ролей должностных лиц органов прокуратуры и возможности использования этих положений в разных областях:

– в законотворчестве полученные данные смогут найти применение при планировании, подготовки и осуществлении изменений как уголовно-процессуального, так и иного отраслевого законодательства, затрагивающего вопросы закрепления правового положения должностных лиц органов прокуратуры, принимающих участие в осуществлении уголовного судопроизводства;

– в правоприменительной деятельности сформулированные в процессе проведения исследования выводы и рекомендации будут способствовать повышению законности и эффективности осуществления соответствующих действий должностными лицами органов прокуратуры, чем правовой статус может быть обозначен более точно и непротиворечиво, чем это наблюдается в настоящее время;

– при подготовке монографической литературы, лекционных курсов, учебных и учебно-методических материалов результаты исследования могут найти свое применение для их последующего использования в качестве одной из составляющих процессов обучения и повышения квалификации должностных лиц прокуратуры, привлекаемых к участию и выполнению различных функций в уголовном судопроизводстве;

– в образовательном процессе при изучении курсов «Уголовное процессуальное право», «Актуальные проблемы уголовно-процессуального права», «Прокурорский надзор» в образовательных организациях высшего образования, а также при создании специальных курсов в рамках дополнительного профессионального образования и повышения квалификации сотрудниками правоохранительных органов.

Достоверность положений диссертационного исследования и их обоснованность, в первую очередь достигнуты на основе комплексного анализа Уголовно-процессуального кодекса РФ, Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», а также ведомственных актов Генпрокуратуры. Опираясь на современные и классические научные работы, подчеркнули глубину анализа и актуальность исследования. Разделение правосубъектности на должностную и процессуальную показано через систематический подход, позволяющий точнее определить роль прокурора на разных этапах уголовного судопроизводства. Применение сравнительно-правового и формально-логического методов подтверждает обоснованность выводов. Достоверность обеспечена репрезентативностью эмпирического материала, включая анализ судебных решений и правоприменительной практики. Исследование отражает реальные примеры действий прокуроров на досудебных и судебных этапах, что подтверждает практическую значимость работы.

Сведения об апробации и внедрении результатов диссертационного исследования. Диссертация подготовлена на кафедре «Уголовное право и процесс» Тольяттинского государственного университета. Результаты исследования заслушивались на заседаниях кафедры и на научных мероприятиях. К ним относятся: Международная научно-практическая конференция «Юридическая наука и практика в условиях современных вызовов (к 30-летию юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского)», 25-26 ноября 2021. г. Нижний Новгород; Всероссийская научно-практическая конференция «300 лет на страже закона» 17 февраля 2022. г. Тольятти; Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Проблемы обеспечения прав и свобод личности в процессе доказывания по уголовному делу», посвящённой юбилею доктора юридических наук, профессора В.А. Лазаревой. 21-22 апреля 2023 года. г. Самара; Всероссийская юбилейная научно-практическая конференция (с

международным участием) «Первые уголовно-процессуальные кодексы: к 100-летию принятия УПК РСФСР 1922–23 гг.» 28 апреля 2023. г. Санкт-Петербург.; XXIV Ежегодная международная научно-практическая конференция Юридического факультета МГУ совместно с МГЮА. 22 ноября 2023. г. Москва; научно-практическая конференция «Актуальные проблемы прокурорской деятельности: история и современность» 23 ноября 2023. г. Москва.

Также, результаты исследования отражены в 5 научных публикациях, в том числе в 4 научных статьях, опубликованных в ведущих рецензируемых научных журналах, включенных Высшей аттестационной комиссией России в список изданий, рекомендованных для опубликования основных научных результатов диссертации на соискание ученой степени кандидата наук.

Структура диссертационного исследования обусловлена поставленными целью и задачами, включает в себя введение, две главы, содержащие семь параграфов, а также заключение, и библиографический список.

Глава 1 Уголовно-процессуальная правосубъектность: правовая природа, понятие, виды и процесс формирования

1.1 Понятие правосубъектности в общей теории права и уголовно-процессуальной науке

В статье 6 Всеобщей декларации прав человека отмечено, что каждый человек имеет право на признание его правосубъектности [36]. Считается, что данным положением закрепляется непосредственная связь человека с присущим ему юридическим свойством (признаком, качеством) – правосубъектностью, позволяющим лицу участвовать в правовой жизни общества в качестве самостоятельного субъекта права. В этом смысле правосубъектность рассматривается как юридический синоним понятия «субъект права». Считается, что данная категория «позволяет отделить субъекта, способного быть субъектом права, от субъекта, не способного к этому» [45].

Первоначально исследования юридического понятия и свойств правосубъектности осуществлялись преимущественно в сфере гражданского права [57, с. 55], но начиная с конца XX века данная категория активно изучается в административном [148], финансовом [59, с. 137-138], трудовом [66], налоговом [59], [111] и других, в том числе процессуальных [25], [46], [119] отраслях права. Несмотря на возникший научный интерес отраслей права к институту правосубъектности, данная проблема до сих пор «относится к числу наиболее сложных» [22] и требующих своего разрешения в общей теории права и на уровне отраслевого правового регулирования. Общеизвестным является то, что общая правосубъектность как правовое свойство возникает у человека с момента его рождения и завершается со смертью: «человек рождается и в момент рождения становится правосубъектным» [73], т.е. субъектом права. Круг субъектов права зависит от воли государства, выраженной в законодательстве.

К сожалению, в большинстве научных работ понятие правосубъектности раскрывается односторонне, а, следовательно, неполно. Очень многими авторами понятие правосубъектности, например, раскрывается посредством указания на наличие у соответствующего субъекта определенного, закрепленного в действующем законодательстве комплекса прав, конкретного перечня свобод, обязанностей, выполнение которого возложено на соответствующего субъекта, а также несение им определенной ответственности, что часто отождествляется и включается в понятие обязанности. Иная точка зрения сопряжена с раскрытием понятия правосубъектности через возможность соответствующего субъекта участвовать в правоотношениях определенного вида или отсутствие подобной возможности. В любом случае по отраслевому признаку выделяют правосубъектность административно-правовую, уголовно-правовую и т.д. Можно, таким образом, говорить и о существовании такого отдельного вида правосубъектности, как правосубъектность уголовно-процессуальная.

В числе прочего, отсутствия единства мнений в отношении правосубъектности может быть обусловлено тем обстоятельством, что взаимосвязь между субъектом и присущим ему правовым статусом – соответствующими правами и обязанностями – на практике проявляется посредством двух форм соответствующего взаимодействия: в статике - через закрепление «его способности (правоспособности) быть носителем юридических прав и обязанностей; и в динамике – через признание способности (дееспособности) лица своими действиями осуществлять права и обязанности и отвечать за последствия».

Понимание правосубъектности как способности лица быть носителем юридических прав и обязанностей на первый взгляд логично, т.к. именно правоспособность придает лицу статус субъекта права. В современных государствах «нет и не может быть людей, не наделенных общей правоспособностью» [84, с. 187], и следовательно, не являющихся субъектами права с момента своего рождения. Каждый человек в цивилизованном

обществе – субъект права. Если к данному словосочетанию применить одну из форм словообразования русского языка - сложение, можно сказать, что каждый человек как субъект права правосубъектен. Однако отождествлять термины «субъект права» и «правосубъектность» не верно ни с точки зрения русского языка, ни с позиции юриспруденции. Как в правовой науке ведутся дискуссии по поиску значения термина «правосубъектность», так и в русском языке правосубъектность считается новым словом, образованным путем сложения двух слов и имеющем собственное семантическое значение. В этом смысле не можем согласиться с высказыванием С.Ф. Афанасьева, по мнению которого «приобрести правосубъектность, значит стать субъектом права, соответственно стать субъектом права может только лицо, обладающее правосубъектностью» [13].

Общепризнанно, что субъект права - это юридический термин, обозначающий лицо, наделенное правосубъектностью – собирательным понятием, включающим в себя такие элементы, как право-, дее- и деликтоспособность. Таким образом, субъект права или правосубъектное лицо вступает в правоотношения в качестве носителя определенного набора прав и обязанностей, оно также должно подлежать определенной ответственности за совершаемые им действия. При этом, в виду имеется именно субъект, реально обладающий соответствующими правами и обязанностями, подлежащий юридической ответственности в случае совершения им правонарушения. Реальное использование соответствующих прав или, например, отсутствие у субъекта объективной возможности этими правами воспользоваться, не наступление ситуации, в рамках которой субъект обязан будет действовать определенным образом – все это не свидетельствует об утрате субъектом своего качества правосубъектности и, конечно, не будет исключать его из числа субъектов права. Интересы таких субъектов в соответствии с законодательством обеспечиваются другими уполномоченными лицами. Так, гражданским законодательством предусмотрены институты восполнения и обеспечения прав недееспособных физических лиц, такие как опека,

попечительство, признание безвестно отсутствующим или умершим и т.д. Это означает, что при отсутствии или недостаточной дееспособности субъекта права, она восполняется дееспособностью других лиц, уполномоченных законом на такие действия [51].

Еще один аргумент против отождествления терминов «субъект права» и «правосубъектность» в следующем: если каждый субъект права является правосубъектным и наоборот, то теряется смысл, юридическая уникальность и специфичность данных терминов. В таком контексте вряд ли имеется необходимость в их выделении и научном обосновании.

Второе понимание правосубъектности как способности лица быть участником правоотношений ориентировано на лиц, обладающих не только правоспособностью, но и дееспособностью: субъект права является правосубъектным, если своими действиями способен осуществлять права и обязанности. Хотя акцент в таком толковании делается на дееспособности субъекта права, очевидно, что для участия в правоотношениях лицо должно обладать в совокупности и право-, и дееспособностью.

В теории права предпринимаются попытки раскрыть содержание правосубъектности через соотношение с правоспособностью и дееспособностью. Одни авторы рассматривают правосубъектность как совокупность единой праводееспособности [6, с.139],[32], [69], другие в структуре правосубъектности выделяют два самостоятельных элемента – правоспособность и дееспособность [67]; третьи авторы исходят из более широкого понимания правосубъектности, как единства всех способностей лица в правовой сфере, таких как правоспособность, дееспособность и деликтоспособность, «поскольку если лицо гипотетически не обладает теми или иными правами и долженствованиями, то оно не может их реализовать» [85, с. 187].

1. Как видим, изучение понятия правосубъектности невозможно без установления соотношения и определения четких границ с такими юридическими категориями, как «субъект права», «правоспособность» и

«дееспособность». Не случайно, на терминологическую схожесть правосубъектности и обозначенных понятий указывалось в работах классиков советского правоведения А.В. Мицкевича [86], А.Ф. Шебанова [141, с. 70], Р.О. Халфиной [135], Н.С. Малеина [79] и других. Кстати по этой же причине высказывались мнения о необходимости исключения термина «правосубъектность» из правовой теории, ввиду его не разработанности и неопределенности [64, с. 24, с. 97], [83, с. 48].

Мы полагаем что научные изыскания в данном направлении не приведут к какому-либо положительному результату до тех пор, пока не будет установлено первоначальное соотношение категорий «субъект права» и «правосубъектность»: являются ли данные понятия тождественными, производными или между ними имеется принципиальное различие? Это вопрос, который до сих пор не нашел своего разрешения в правовой науке. Неслучайно О.А. Красавчиков, один из основоположников понимания правосубъектности как единой правдееспособности, в дальнейшем пересмотрел свои взгляды и обосновал необходимость выделения на теоретико-правовом уровне двух самостоятельных элементов правосубъектности – правоспособности и дееспособности [67]. Согласно его утверждениям правосубъектность, представляющая собой совокупность правоспособности и дееспособности, рассматривается как основанная на нормах права социально-правовая возможность или способность лица быть участником правовых отношений [43, с.125], [68], или другими словами становиться субъектом правоотношений. Из сказанного можно сделать вывод, что термин «правосубъектность» применим исключительно к субъектам правоотношения. При этом следует учитывать, что субъект правоотношения и субъект права – не совпадающие юридические понятия. «Человек – субъект права всю свою жизнь, однако у правосубъектности, как и у жизни человека, есть начало и конец» [21].

Следствием нерешенности обозначенных проблем в правовой науке явилось то, что в российском законодательстве термин «правосубъектность»

практически не используется. Не известен термин «правосубъектность» и гражданскому законодательству, но его элементы «правоспособность» и «дееспособность» получили законодательное закрепление применительно к физическим (ст. ст. 17, 18, 22 ГК РФ) и юридическим лицам (ст. ст. 22, 49 ГК РФ) как субъектам гражданского права. Аналогичная ситуация в гражданском процессуальном праве. Основной для этой сферы закон - Гражданский процессуальный кодекс РФ не содержит термин «правосубъектность», но закрепляет понятия гражданская процессуальная правоспособность (ст.36) и гражданская процессуальная дееспособность (ст.37) лиц, обладающих правом на судебную защиту прав, свобод и законных интересов.

Принципиально иная ситуация в уголовном судопроизводстве. В тексте Уголовно-процессуального кодекса РФ правосубъектность, правоспособность и дееспособность как юридические характеристики субъектов уголовно-процессуального права отсутствуют, что, однако не исключает наличия собственного отраслевого круга субъектов права -участников уголовного судопроизводства, обладающих необходимыми правовыми свойствами для участия в уголовно-процессуальных правоотношениях.

Внимание отраслевых наук к понятиям «субъекты права» и «правосубъектность» обусловило выделение наряду с общей, и отраслевой правосубъектности. Правосубъектность в общетеоретическом понимании, состоящая из право- и дееспособности, приобретает последовательно, в течение определенного периода времени: с момента рождения человека возникает правоспособность, а дееспособность формируется с достижением им определённого возраста. В отраслевой правосубъектности действует иная закономерность. Ее возникновение не связано с моментом рождения человека, она имеет более сложный процесс формирования и иной период действия. Например, рассматривая правосубъектность применительно к сфере предпринимательства Д.В. Пятков отметил, что «гражданин не с момента рождения, а гораздо позднее приобретает возможность выбирать, формировать содержание своей правосубъектности» [103]. Аналогичная

ситуация наблюдается и в иных сферах регулирования, когда для приобретения той или иной отраслевой правосубъектности – трудовой, семейной, налоговой и т.д. необходимо наступление определенных событий, обстоятельств или совершения действий [41, 108], придающих лицу статус субъекта отраслевого права.

Учитывая производность правосубъектности от статуса субъекта права, мы полагаем, что именно статус субъекта является первопричиной появления у лица юридических свойств – отраслевой правоспособности и дееспособности, которые в своей совокупности трансформируются в свойство правосубъектности. Соответственно, отраслевая правосубъектность – это свойство субъекта права, который характеризуется его обладанием в полном объеме отраслевыми как правоспособностью, так и дееспособностью. Наличие у субъекта данных качеств позволяет ему выступать в качестве участника соответствующих отраслевых правоотношений.

Сказанное позволяет прийти к следующему выводу: если нами будет принято утверждения, что любое правоотношение всегда имеет отраслевой характер, основывается на соответствующем отраслевом законодательстве, значит и правосубъектность, которая может быть проявлена субъектом в объективной реальности лишь в рамках того или иного правоотношения, также должна характеризоваться своей отраслевой принадлежностью. Таким образом, можно заключить, что какую бы правосубъектность мы не анализировали, она всегда будет обусловлена определенной отраслью права. Правоотношения, не имеющие отраслевого характера в условиях отраслевого строения российского права, в принципе не возможны. В связи с этим присоединяемся к высказыванию В.В. Эмих о том, что «понятие правосубъектности всегда связано с определенной отраслью права» [148]. Сказанное зарождает серьезные сомнения относительно наличия общей правосубъектности.

С точки зрения юридической логики, субъект отраслевого права – это стержень, центральная конструкция, объединяющая юридические свойства

лица и устанавливающая порядок и последовательность их приобретения и использования. Помимо того, что не все субъекты права, как показано выше, являются правосубъектными, приобретение этого свойства субъектами различных отраслей права также не одинаково. В одних отраслях, например, в гражданском праве, субъекты приобретают правосубъектность так сказать в отсроченном порядке: сначала лицо становится субъектом права и получает правоспособность, и только через какое-то время возникает дееспособность. Уголовно-процессуальное право наделяет своих субъектов право- и дееспособностью одновременно с получением статуса субъекта права. Такие особенности обусловлены публичностью уголовно-процессуального права, спецификой предмета уголовно-процессуального регулирования и характером задач, решаемых отраслью. Полагаем что именно эта особенность – временные различия в приобретении субъектом право- и дееспособности, обусловили необходимость использования в правовой теории термина «правосубъектность» и его принципиальное отличие от близких по смыслу категорий - субъект права, правоспособность и дееспособность.

Системного исследования данных вопросов в науке уголовного процесса не проводилось, хотя отдельные моменты нашли свое отражение в трудах процессуалистов второй половины XX века [55] и в настоящее время обращают внимание ученых, как в части изучения общих вопросов процессуальной правосубъектности [16, 121-122], так и применительно к правосубъектности отдельных участников судопроизводства – свидетеля [10], адвоката [120], прокурора [11], переводчика [72,с. 7] и других.

В своем исследовании мы исходим из того, что процессуальная правосубъектность, т.е. способность лица лично осуществлять свои права и обязанности, возникает при приобретении лицом статуса одного из участников уголовного судопроизводства. Одновременность появления у субъекта уголовно-процессуального права право- и дееспособности объясняется также характером оснований приобретения лицом того или иного процессуального статуса, в качестве которых выступают обозначенные в

законе обстоятельства, события или совершение определенных действий. Вполне логично, что для таких случаев действует правило: если лицо соответствует требованиям, предъявляемым к субъекту права, значит оно a priori правоспособно и дееспособно и может участвовать в отраслевых отношениях.

Приобретение свойства правосубъектности одновременно с получением статуса субъекта права освобождает законодателя от задачи устанавливать основания и порядок приобретения лицом отдельно право- и дееспособности, как например в отраслях частного права. Тем самым, мы можем говорить не только об отраслевом делении видов правосубъектности, но также и о наличии значительных различий, существующих в отношении вопроса о моменте возникновения правосубъектности в отраслях частного и публичного права. Если в отраслях частного права субъект приобретает полную правосубъектность поэтапно, в связи с возрастанием степени его дееспособности с течением времени, то в отраслях публичного права полная правосубъектность возникает у лица одновременно вместе с наделением его определенным должностным статусом. В системе уголовно-процессуального регулирования право- и дееспособность выступают как единое неделимое свойство, возникающее у лица в момент приобретения им статуса субъекта права. Именно так получает процессуальную правосубъектность должностное лицо, ведущее предварительное расследование или судебное производство и является в полном объеме право-дееспособным, т.е. правосубъектным, с момента принятия уголовного дела к своему производству.

Аналогичный порядок действует и в отношении вовлеченных участников. Например, лицо получает правосубъектность обвиняемого после вынесения соответствующего процессуального решения, т.е. с момента получения им данного статуса. Следует отметить, что правосубъектность обвиняемого возникает только после получения лицом данного статуса и обусловлена тем, насколько лицо соответствует требованиям, предъявляемым к данному статусу: по возрасту, вменяемости, причастности к преступлению и

т.д. Несоответствие лица одному из требований не позволяет получить статус обвиняемого, соответственно вопрос о его правосубъектности не возникнет. Несовершеннолетний возраст обвиняемого (с 14-18 лет) также не лишает его процессуальной правосубъектности. Как и взрослый, несовершеннолетний обвиняемый может своими действиями осуществлять предоставленные ему права и обязанности в объеме, соответствующем его возрасту и психическому развитию. Недостающий объем гражданской дееспособности у несовершеннолетнего обвиняемого компенсируется (восполняется) дееспособностью других процессуальных участников (законных представителей несовершеннолетнего), обеспечивающих защиту его интересов.

Некоторые особенности правосубъектности наблюдаются у потерпевших. Они также наделяются единой право- и дееспособностью с момента приобретения статуса – вынесения соответствующего процессуального решения. В этой связи не можем согласиться с О.А. Зелениной, которая рассуждая о правосубъектности несовершеннолетнего потерпевшего отмечает, что «лицо приобретает способность быть носителем уголовно-процессуальных прав и обязанностей с момента рождения и прекращается данная способность со смертью человека» [54]. Во-первых, такие утверждения не согласуются с общепризнанным подходом понимания правоспособности как юридического свойства конкретного субъекта отраслевого права: если автор говорит о наличии у лица процессуальной правоспособности, значит лицо, обладающее этой способностью, получило статус потерпевшего уже с рождения. Во-вторых, следуя логике автора следует признать, что все граждане с рождения и до смерти находятся в статусе потерпевших, что противоречит законодательству, т.к. данный статус устанавливается процессуальным решением органа расследования или суда на основании причиненного лицу физического, имущественного или морального вреда. Для возникновения соответствующей правосубъектности потерпевшего, таким образом, необходимо фактическое

основание (совершение преступления в отношении этого лица) и юридическое основание – соответствующее процессуальное решение.

Как и у несовершеннолетнего обвиняемого, у несовершеннолетнего потерпевшего процессуальная правосубъектность восполняется институтом представительства, т.к. согласно ч.10 ст.42 УПК РФ, «участие законного представителя или представителя потерпевшего не лишает его прав, предусмотренных законом. Иная ситуация при смерти пострадавшего от преступления: в качестве субъектов права выступают лица, обозначенные в ч. 8ст.42 УПК РФ, и именно они признаются потерпевшими и приобретают процессуальную правосубъектность в полном объеме» [96].

Таким образом, правосубъектность понимается как юридическое свойство лица, возникающее после приобретения им право- и дееспособности субъекта права и свидетельствующее о готовности лица вступать в отраслевые правоотношения в этом правовом статусе. Процесс формирования правосубъектности лица обусловлен характером отрасли права и характеристикой субъекта: в одних отраслях права правосубъектность формируется поэтапно – первоначально лицо получает статус субъекта права, обладающего исключительно правоспособностью, а затем, через какое-то время возникает дееспособность, и лицо становится правосубъектным. В других отраслях права, в том числе в уголовно-процессуальном праве, правосубъектность, как единство право- и дееспособности, появляется у лица одновременно с получением им статуса субъекта права. Уголовно-процессуальная правосубъектность – уникальное свойство участника уголовного судопроизводства, возникающее одновременно с получением им соответствующего процессуального статуса субъекта права, с определенным набором процессуальной право- и дееспособности. Соответственно установление правосубъектности участника уголовного судопроизводства невозможно без подтверждения у данного участника определенного статуса субъекта уголовно-процессуального права.

1.2 Теоретико-правовой анализ понятия «субъекты уголовно-процессуального права»

Необходимость определения момента и порядка приобретения участниками уголовного судопроизводства процессуальной правосубъектности обязывает нас определиться с понятием субъекта уголовно-процессуального права. К сожалению, в общей теории права до сих пор не сформирован общепризнанный подход к определению обозначенной дефиниции, хотя не мало ученых занималось данной проблематикой, обосновывая понятие субъекта права следующими категориями: это высшая правовая инстанция, самоценная правовая индивидуальность [12, с. 11]; центр правовой реальности, вокруг которого складываются правовые связи и отношения [95]; определенная абстракция, способная олицетворяться в конкретном лице [130] и т.п. Систематизируя многообразные вариации, дефиниции, предложения, относительно понятия субъектов права в отраслевом правовом регулировании, можно выделить несколько подходов.

Первая, самая многочисленная группа авторов под субъектами права понимает субъектов правоотношений, обладающих правоспособностью и дееспособностью [5], [84, с. 187]. Не случайно в большинстве учебников по теории государства и права отсутствует раздел, посвященный субъектам права, а вопросы субъектного состава раскрываются при изучении субъектов правоотношений. В таком контексте все субъекты права правосубъектны, т.е. способны вступать в отраслевые правоотношения. Надо отметить, что характеризуя субъектов права авторы указывают не на непосредственное участие лиц в правоотношении, а лишь на их гипотетическую способность участвовать: «субъект права – это лицо, которое способно быть участником правоотношений» [1]. Слабым местом в данной аргументации является отсутствие критериев, позволяющих отграничить субъектов права от субъектов правоотношений. Хотя о том, что субъект права и субъект правоотношения не идентичные категории, отмечала еще Р.О.Халфина в 70-х

годах XX века в своей монографии, посвященной правоотношениям [134, с. 114].

Вторая группа ученых под субъектами права понимает тех, «кому объективное право присваивает в юридическом отношении субъективное право» [144, с. 498]. Сюда же можно отнести авторов, рассматривающих в качестве субъектов права физических и юридических лиц, способных быть носителями юридических прав и обязанностей [81]. При таком подходе субъект права это абстрактное (обобщенное) правовое лицо, находящееся под действием объективного права и признаваемое им в качестве возможного носителя прав и обязанностей [89]. Полагаем очевидным, что в данном контексте речь идет лишь об одном юридическом свойстве – правоспособности лица, что полностью исключает его правосубъектность.

Более компромиссная позиция выработана авторами, выделяющими отдельно субъектов объективного права как «юридическую модель субъекта правоотношения, закрепляющую в обезличенной форме ситуационно значимые социально-правовые характеристики» и реально существующих персонально поименованных субъектов конкретного правоотношения, отвечающих социально-правовым характеристикам, установленным нормами права [102, с. 332]. Опираясь на данную концепцию учеными справедливо обосновывается существование двух категорий - субъекта права и субъекта правоотношения. Несомненным достоинством данной концепции является разграничение двух основополагающих понятий. Однако в предлагаемых авторами дефинициях наличие правосубъектности презюмируется как у субъектов права, так и у субъектов правоотношений: субъект права как абстрактное, обобщенное лицо, в котором заключена правовая модель будущего субъекта правоотношения, не может быть выделен в таком качестве без наличия у него правоспособности и дееспособности, что в совокупности образует правосубъектность; еще более очевидна правосубъектность, если речь идет о поименованных, персонифицированных субъектах правоотношений.

Отраслевые правовые науки на основе понятия обобщенного субъекта права сформировали более узкое понимание данного термина, суть которого в следующем: субъекты права - это абстрактные лица, выступающие носителями прав и обязанностей определенной отрасли права, например, субъекты гражданского права, уголовного права, уголовно-процессуального права и т.д. У каждой отрасли права свои субъекты, они различаются по наименованию, объему и содержанию прав и обязанностей, способу вступления в отраслевые отношения и т.д. Одно лицо может являться субъектом различных отраслей права, в зависимости от того, какие правовые статусы оно получает и в какие правоотношения может вступать. Безусловно одно: если лицо обозначено в качестве участника хотя бы одного отраслевого правоотношения, оно является субъектом данной отрасли права.

Проанализировав представленные мнения и оценив имеющуюся аргументацию, приходим к выводу о наличии двух подходов в понимании субъекта права: нормативно-правовом и прикладном.

В нормативно-правовом аспекте в качестве субъекта права рассматривается обозначенное в законе обобщенное (не персонифицированное) лицо, наделенное определенными правами и обязанностями для возможного участия в отраслевых правоотношениях и обладающее в связи с этим признаками, достаточными для его идентификации в правовом пространстве. Это так называемый обобщенный субъект права, сущность которого точно обозначена Н.В. Козловой и С.Ю. Филипповой: «любой субъект права есть лишь мыслимое, представляемое отражение реальности в идеальной знаковой системе – праве» [62].

Второй, прикладной аспект понимания термина «субъект права» вызван реализацией права, а именно, приобретением персонифицированным лицом правового статуса субъекта права. Будет ли такой субъект права правосубъектным зависит от приобретаемого правового статуса, в содержании которого только правоспособность, либо правоспособность и дееспособность.

В последнем случае лицо с получением статуса субъекта права одновременно приобретает правосубъектность.

Независимо от последовательности приобретения право- и дееспособности, лицо выступает как персонифицированный субъект права, обладающий определенным набором прав и обязанностей с той лишь разницей, что в случае приобретения только правоспособности, лицо является неправосубъектным субъектом права, если же приобретена совокупность право- и дееспособности субъект права становится также правосубъектным. В этом смысле «персонифицированный субъект права» и «правосубъектное лицо» - не тождественные юридические понятия, использование каждого из них ограничено определенной сферой правоприменения и степенью правовой самостоятельности лица.

Также следует отметить, что наличие у лица правосубъектности еще не позволяет рассматривать его в качестве субъекта правоотношений, несмотря на то, что в обоих случаях речь идет о персонифицированных субъектах. Приобретение способности вступать в правоотношения, и участие лица в правоотношениях – разные юридические действия. Первоначально лицо приобретает правосубъектность, и лишь затем, при наличии оснований для возникновения правоотношений, вступает в них в качестве субъекта правоотношения.

Как видим, категория «субъект права» имеет методологическую, теоретико-правовую основу и отраслевую природу. На основе обозначенного термина возникает каждая следующая юридическая категория – персонифицированный субъект права; правосубъектное лицо; субъект правоотношений. Чтобы избежать многозначности и семантической неопределенности обозначенных категорий предлагаем следующие дефиниции:

- субъект права – это обобщенное (абстрактное), нормативно-определенное лицо, характеризующееся наличием отраслевой право-

и дееспособности и выступающее носителем отраслевых прав и обязанностей;

- персонифицированный субъект права – это индивидуально-определенное персонифицированное лицо, обладающее отраслевой право- и/или дееспособностью и выступающее носителем отраслевых прав и обязанностей;
- правосубъектное лицо – это индивидуально-определенное персонифицированное лицо, способное своими действиями реализовывать отраслевые прав и обязанностей на основании имеющейся отраслевой право-дееспособности;
- субъект правоотношения – это правосубъектное лицо, участвующее в правоотношении.

Следовательно, при осуществлении правового регулирования общественных отношений, т.е. при формировании нормы права, закрепляющей модель будущего правоотношения, субъекты права гипотетически моделируются как абстрактные обобщенные лица, с присущей им право- и дееспособностью, возникающей в определённом порядке. И только когда появляется основание для реализации этой нормы права, абстрактный образ субъекта права проецируются на индивидуально определенных лиц – персонифицированных субъектов права.

Полагаем, отождествление категорий «субъекты права», «правосубъектное лицо» и «субъекты правоотношений», либо применение к субъектам правоотношений термина «субъекты права» приводит к смещению фокуса исследования с анализа нормативной организации права на уровень правоприменения. Соответственно применять в научных и прикладных целях понятие «субъект права» как юридический синоним понятий «правосубъектное лицо» или «субъект правоотношения» не только безосновательно, но и чревато получением необъективных результатов научных исследований. Представленное соотношение опровергает высказанное в уголовно-процессуальной науке мнение о том, что «все лица

при вовлечении в уголовно-процессуальные отношения приобретают статус субъекта уголовного процесса» [136]. Статус субъекта права лица приобретают до «вовлечения в уголовно-процессуальные отношения».

Еще одна проблема, связанная с рассматриваемыми категориями, касается дефиниции «правовой статус». Понятие правового статуса является одним из ключевых терминов теории права и отраслевых юридических наук. В современной правовой науке наибольшее распространение имеет следующая дефиниция: правовой статус – это положение личности в обществе, закрепленное посредством юридических норм в текстах различных нормативно-правовых актов [35, с. 134-141],[82]. Следует отметить, что использование такой категории, как «правовой статус», по замечанию В.Ю. Шобухина, оправданно лишь относительно физических и юридических лиц, выступающих субъектами права [145]. Адаптируя данное определение для уголовно-процессуального права получаем следующую дефиницию: правовой статус – это правовое положение субъекта уголовно-процессуального права, определяемое совокупностью законодательных норм, регламентирующих его права, обязанности (полномочия) и ответственность. В уголовно-процессуальной науке проблемы правового статуса применительно к личности обстоятельно рассмотрены М.С. Строговичем, который выделил в его структуре следующие элементы: права и правовые гарантии реализации прав, обязанности и правовая ответственность за их неисполнение [116]. Схожую позицию занимают и современные исследователи, выделяя в качестве элементов процессуального статуса участников судопроизводства предусмотренные УПК РФ их полномочия, права и обязанности [94].

Как видно, и в общетеоретическом понимании, и в уголовно-процессуальном, правовой статус обусловлен нормами права, закрепляющими юридические права, обязанности и ответственность субъектов права. Соответственно на нормативно-правовом уровне для каждого субъекта права определяется его правовой статус как совокупность принадлежащих ему прав, обязанностей и ответственности. Чтобы зафиксировать моменты

приобретения правового статуса и его использования законодатель включает в него в качестве обязательных элементов не только правоспособность и дееспособность, но и основания их получения и прекращения. Это так называемый нормативно-правовой статус, характерный обобщенному субъекту права.

Соответственно, на нормативно-правовом уровне правовой статус обобщенного субъекта права составляют следующие элементы:

- основание получения статуса субъекта права;
- порядок приобретения правоспособности и дееспособности;
- содержание закрепленных за субъектом прав и обязанностей.

Данный перечень будет не полным, если не обозначено его отраслевое наименование (имя) и не определен период, в течение которого субъект права существует. Поэтому в содержание правового статуса следует включить еще два обязательных элемента: собственное юридическое имя (наименование) субъекта права и основания прекращения статуса субъекта права. Все эти элементы, в своей совокупности образуют правовой статус субъекта права, отличающий его от остальных субъектов этой отрасли права. В этом смысле правовой статус - это характеристика обобщенного субъекта права, фиксирующая его уникальность по отношению к другим отраслевым субъектам.

На прикладном уровне правовой статус субъекта права предстает в ином ракурсе. Здесь уже речь идет о персонифицированных субъектах права, приобретших какой-либо правовой статус и обладающих в связи с этим либо только правоспособностью, либо право- и дееспособностью. В первом случае лицо становится персонифицированным субъектом права обладающим правоспособностью, например, юридическое лицо, являющееся потерпевшим от преступления (ч.1 ст.42 УПК РФ). Такие субъекты права хоть и обладают правовым статусом, однако их дееспособность переходит к иным, обозначенным в законе лицам, соответственно они не являются правосубъектными. Во-втором случае при приобретении право- и

дееспособности лицо не только приобретает правовой статус и становится субъектом права, но и приобретает правосубъектность, что позволяет ему участвовать в правоотношениях.

Для трансформации нормативно-правового статуса в статус персонифицированного субъекта права необходимо возникновение соответствующего юридического факта, обозначенного в законе в качестве основания приобретения статуса субъекта права (статуса участника). При этом объем и содержание приобретаемого статуса обусловлены не только объективными причинами [28], но и зависят от личных качеств лица, приобретающего персонифицированный статус субъекта права. Например, у совершеннолетнего потерпевшего, способного самостоятельно защищать свои права и законные интересы, правовой статус включает правоспособность и дееспособность в полном объеме. Такой статус позволяет субъекту права вступать в отраслевые правоотношения и, как отметил О.С. Иоффе, делает субъекта правосубъектным [56, с. 287]. Иная ситуация с пострадавшими от преступлений, не достигшими 18-летнего возраста. Несовершеннолетний, приобретая статус потерпевшего по уголовному делу, с учетом его возраста и психологической готовности участвовать в тех или иных отношениях, может в большем или меньшем объеме быть не способным к процессуальной деятельности. В таких случаях на основании ч.2 ст.45 УПК РФ, к обязательному участию в уголовном деле привлекаются их законные представители для защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, восполняя тем самым полное или частичное отсутствие правосубъектности несовершеннолетнего.

Поэтому, изучая и анализируя правовой статус следует правильно определять предмет исследования, ориентируясь либо на нормативно-правовой статус субъекта права (нормативно-правовой уровень), либо неперсонифицированный правовой статус, присущий конкретным лицам(прикладной уровень). К похожему выводу пришел П.П. Востриков, когда писал, что «в правоотношениях индивидуализируются общие права и

обязанности, закрепленные в нормах права, т.е. в правоотношениях происходит реализация правового статуса личности» [35].

Итак, содержание правового статуса субъекта составляет совокупность элементов, наличие которых обязательно как для обобщенного, так и для персонифицированного субъекта права:

- собственное юридическое имя (наименование) субъекта права;
- основания получения статуса субъекта права;
- порядок приобретения правоспособности и дееспособности;
- перечень и содержание прав и обязанностей субъекта права;
- основания, вызывающие прекращение (окончание) статуса.

Закрепляя нормативно-правовой статус субъекта права, закон устанавливает границы его существования, так называемый период его «правовой жизни» и возможности в отраслевых отношениях. При реализации статусных норм элементы правового статуса проецируются на конкретных лиц, приобретающих данный статус. Поэтому дефекты правового регулирования, допускаемые законодателем при установлении нормативно-правового статуса субъекта права, однозначно отразятся в правоприменительной деятельности и создадут сложности в определении правосубъектности персонифицированных субъектов права.

Наглядно процесс трансформации правового статуса абстрактного субъекта в правовой статус персонифицированного субъекта уголовно-процессуального права, а затем его переход в статус участника процессуальных отношений, показан на рисунке 1.

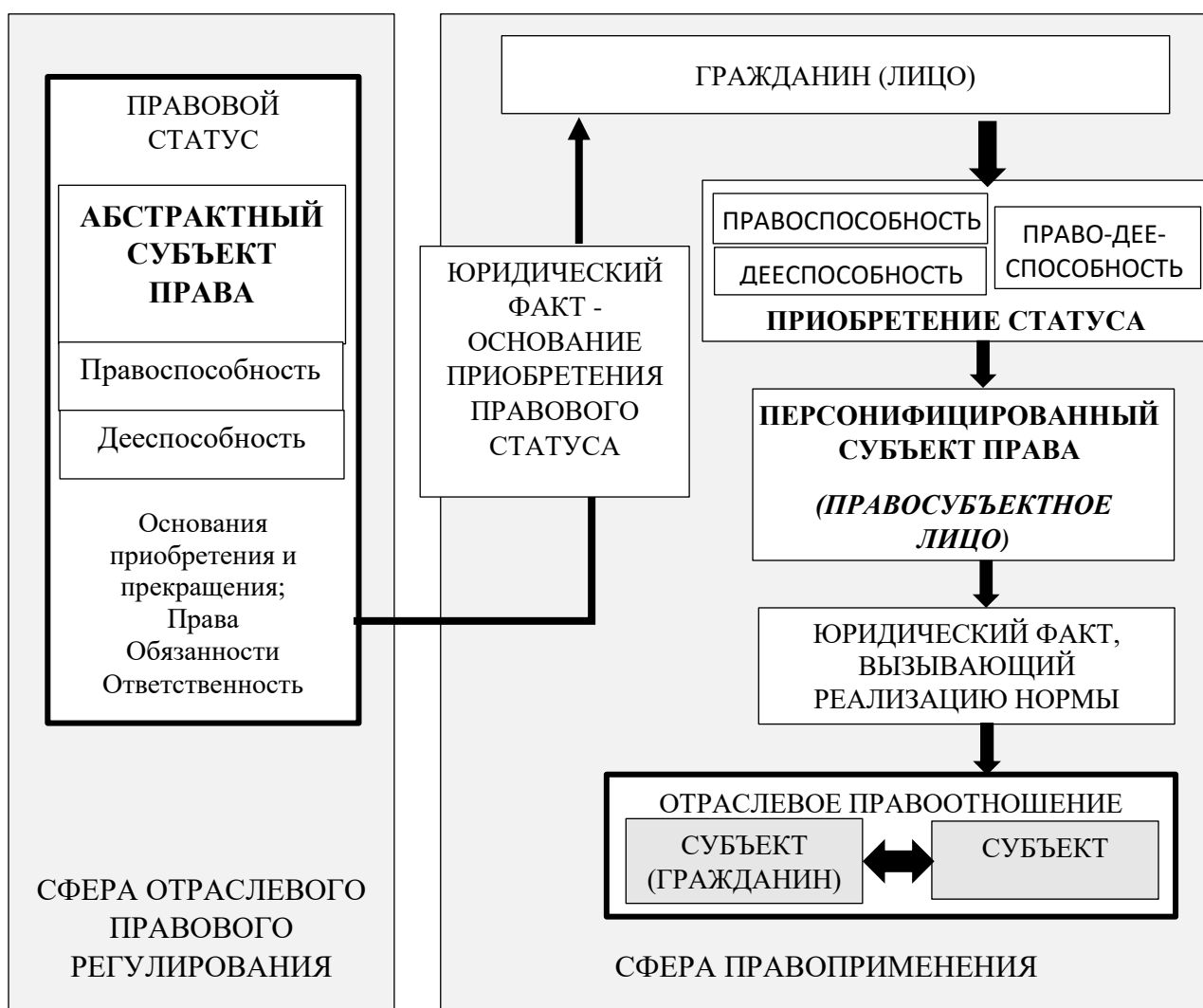

Рисунок 1 - Процесс трансформации субъекта права в участника правоотношения

В российском уголовно-процессуальном праве традиционно сложилось так, что понятие «субъекты права» непосредственно связано и обусловлено понятием «участники уголовного судопроизводства». Как следствие, в большинстве научных и образовательных работ предмет изучения составляют участники уголовного процесса, субъекты уголовного процесса либо уголовного судопроизводства [3, стр. 105], [38], [63, с. 18], [75], [136], [147], а не субъекты уголовно-процессуального права. Преодолевая сложившуюся тенденцию, предлагаем изменить ракурс исследования и всех лиц, составляющих содержание термина «участники судопроизводства»,

«субъекты уголовного процесса», а также иных лиц, вовлеченных в сферу судопроизводства в том или ином качестве, рассматривать в качестве субъектов уголовно-процессуального права.

А.С. Бахта не согласен с таким подходом: «не каждое лицо, считающееся участником процессуальных действий, является субъектом уголовно-процессуального права» [16], и в качестве аргумента указывает на отсутствие правоспособности у отдельных участников процессуальных действий, таких как заявитель, законный представитель несовершеннолетнего пострадавшего, физические и юридические лица, обязанные исполнять обращенные к ним требования должностных лиц и т.д. На этом основании автор делает вывод, что термин «участники уголовного судопроизводства» шире понятия «субъекты уголовно-процессуального права», согласиться с которым не можем по следующим соображениям.

Такой подход дает право утверждать обратное: понятие субъектов уголовно-процессуального права должно быть шире понятия систематизированных участников судопроизводства.

Во-вторых, речь идет не столько о несовпадении рассматриваемых терминов, сколько о дефектности законодательства, допускающего «лишь чрезмерно лаконичные предписания» в регламентации участников, не указанных во втором разделе УПК РФ, либо их полное отсутствие», на что и указывает А.С. Бахта [16]. Следует сказать, что данное замечание распространяется не только на «несистематизированных» участников. Аналогичная ситуация наблюдается в регулировании участников судопроизводства, включённых в Раздел 2 УПК РФ, таких как например, прокурор или государственный обвинитель. Следовательно, проблема субъектов уголовно-процессуального права заключается не столько в определении соотношения с понятием «участники судопроизводства», сколько в отсутствии должного правового регулирования в целом института субъектов данной отрасли права и их правового статуса, хотя, как справедливо

отметил И.Л. Честнов «именно субъект права конструирует правовую систему и воспроизводит ее своими практиками» [139].

Как показано выше один из аргументов, высказанный в обоснование невозможности отнесения отдельных участников к субъектам уголовно-процессуального права, является отсутствие правоспособности. Однако понимая правоспособность как способность лица быть носителем отраслевых прав и обязанностей следует констатировать, что любое лицо, обозначенное в отраслевом законе (УПК РФ) как потенциальный участник хотя бы одного процессуального правоотношения с каким-либо процессуальным правом или обязанностью, обладает отраслевой право- и дееспособностью и, следовательно, является субъектом данной отрасли права. А вот насколько для правоприменителей очевидна правосубъектность такого участника, зависит от полноты юридического оформления его правового статуса, обозначения в УПК РФ всех, указанных выше элементов правового статуса субъектов права. Отсутствие в законе тех или иных элементов правового статуса субъектов права требует от законодателя устранения таких пробелов, разработки дополнительных механизмов, позволяющих идентифицировать лицо в качестве субъекта права. Отметим, что в качестве отраслевых отношений мы рассматриваем любые отношения, урегулированные нормами УПК РФ, независимо от того, возникли они до возбуждения уголовного дела, либо после вступления приговора в законную силу. Мы не вступаем в дискуссию относительно определения момента начала и окончания уголовного процесса. В нашем понимании наличие отраслевого законодательного акта, являющегося источником соответствующей отрасли российского права, устанавливает четкие критерии для признания возникающих в практической деятельности правоотношений к отраслевым и не отраслевым: все отношения, урегулированные отраслевым законодательным актом, являются отраслевыми, независимо от полноты их правового регулирования

Дефекты правового регулирования, допущенные законодателем в регламентации, например, правового статуса заявителя или других участников

процессуальных правоотношений, не могут исключить отнесения их к субъектам уголовно-процессуального права. В таком контексте вполне разумно рассматривать заявителя, участвующего в отношениях, регулируемых УПК РФ (ч.2 ст.120; ст.ст.124; 125; 125.1; 141; 144; 145; 146; 148; 219; 318; ч.7 ст.399; ст.463) в качестве субъекта уголовно-процессуального права, обладающего не только процессуальной правоспособностью, но и процессуальной дееспособностью.

Субъект уголовно-процессуального права понимается как обобщенное (абстрактное), нормативно-определенное лицо с уникальным правовым статусом, имеющее собственное имя (наименование), установленный законом период «правовой жизни», исчисляемый от момента получения правового статуса и до его прекращения, а также определенный перечень процессуальных прав и обязанностей (полномочий).

На эмпирическом уровне исследования, предмет которого составляет правоприменительная деятельность, правовой статус субъектов уголовно-процессуального права проецируется на реальных физических и юридических лиц, в результате чего возникают персонифицированные субъекты права, способные вступать в уголовно-процессуальные отношения в качестве их участников. В этом смысле персонифицированные субъекты уголовно-процессуального права и участники уголовного процесса (судопроизводства) это категории, которые логично было бы рассматривать в качестве тождественных. Как было показано при рассмотрении соответствующего вопроса, процессуальные право- и дееспособность у соответствующих субъектов, которые могут рассматриваться в качестве персонифицированных субъектов, участвующих в уголовно-процессуальных отношениях, возникает одновременно и одновременно с приобретением соответствующими субъектами присущего им процессуального статуса. Именно приобретение конкретного процессуального статуса формирует у субъекта свойство правосубъектности, которое проявляется и потенциально способно

реализоваться в соответствующих правоотношениях в течение всего периода их «правовой жизни».

1.3 Виды правосубъектности должностных лиц органов прокуратуры

Появившись первоначально более трехсот лет назад, во время правления Петра Великого, прокуратура первоначально рассматривалась в качестве органа государственного надзора, призванного обеспечивать законность деятельности соответствующих государственных служащих. Достаточно скоро по историческим меркам, однако состав полномочий органов прокуратуры начал расширяться и еще в царский период отечественной истории она стала рассматриваться в качестве органа, участвующего в поддержке государственного обвинения в нашем государстве.

Тем самым государство воочию подошло к практической реализации принципа обеспечения состязательности в рамках уголовного судопроизводства.

Как считает Д.А. Турчин, в период образования СССР за закрепление того или иного статуса прокуратуры в структуре государственного аппарата развернулась ожесточенная борьба. Ученые, отстаивающие идею о самостоятельном статусе прокуратуры, удалось одержать победу в ведущихся ожесточенных дискуссиях по этому поводу. В качестве наиболее знакового момента в данном случае можно назвать издание Постановления ЦИК СНК СССР от 20 июня 1933 г. в соответствии с которым была создана Прокуратура СССР, что позволило как укрепить организационное единство соответствующей структуры, так и усилить роли прокуратуры системе правоохранительных органов советского государства.

Оборотной стороной ведущегося усиления статуса советской прокуратуры явилась ее фактическая интеграция со следственными органами. Теоретиками утверждалось, что залогом подобной интеграции является

наиболее близкое расположение прокуратуры в функциональном плане именно к органам следствия. Можно отметить, что дискуссии о соотношении органов следствия и прокуратуры пережили советское время и в некоторой степени продолжают и поныне.

Как указывал по этому поводу А.В. Смирнов, советское судопроизводство, в том числе и уголовное, также примерно до конца 1950-х – начала 1960-х годов поддерживало принцип состязательности в качестве обязательной идеи привлечения субъектов к уголовной ответственности. УПК РСФСР 1923 г. недвусмысленным образом подтверждал участие в уголовном судопроизводстве как стороны обвинения, так и стороны защиты.

Но соответствующий принцип был утрачен при принятии Основ уголовного судопроизводства в 1958 году. Одновременно пропало упоминание и о такой функции, как «уголовное преследование».

Соответствующие изменения свидетельствовали не просто об изменении употребляющейся законодателем терминологии, они носили более фундаментальный характер. По УПК РСФСР 1923 г. прокурор фактически осуществлял функции истца в уголовном деле, реализуя своими действиями обвинительный порядок предания суду.

В новых условиях субъектом, уполномоченным возбуждать уголовное дело, кроме дознания, следователя или прокурора, стал считаться и сам суд, который в довершение ко всему не связывался при осуществлении этой функции теми материалами, которые были собраны органами предварительного расследования.

В новых условиях суд сам предавал обвиняемого суду, продолжал исследовать обстоятельства дела и рассматривать доказательства вне зависимости от отказа прокурора от поддержания обвинения или признания обвиняемым своей вины.

Соответствующий порядок уже нельзя рассматривать в качестве одной из форм состязательного процесса, который движется усилиями сторон обвинения и защиты. Нельзя его рассматривать, однако, и в качестве одной из

форм процесса розыскного – по мнению А.В. Смирнова данный порядок свободен от недостатков, присущих этой форме. Разрешение дела по существу в отличие от розыскного процесса представляет здесь самостоятельную стадию уголовного судопроизводства, логически и юридически обособлено от стадии предварительного расследования.

В данном случае можно говорить о новой форме уголовного процесса – не состязательного или розыскного, а «советского», который активно исследовался учеными-процессуалистами в 1980-е годы XX века.

Несмотря на то, что функцию государственного обвинения в уголовном процессе сотрудники прокуратуры выполняли и в Российской империи и в Советском Союзе, а современная российская прокуратура также уже действует более тридцати лет с момента разработки соответствующего законодательства и закрепления института прокуратуры в Конституции Российской Федерации, само осуществление государственного обвинения до настоящего времени сталкивается с определенными проблемами и некоторыми противоречиями. Изучение соответствующих проблем способно дать более качественное понимание соответствующих государственных и правовых механизмов, позволит наметить определенные пути к их последующему совершенствованию в будущем.

В первые годы постсоветской России вопрос о правовом положении прокурора в рамках уголовного судопроизводства вызывал определенные вопросы, данная проблематика анализировалась в ведущих научных журналах, например, О.А. Кожевниковым.

Значение прокурора в качестве участника уголовного судопроизводства анализируется в работе Ю.В. Загайновой. Как считает указанный автор, от наличия ясности в указанном отношении самым непосредственным образом зависит эффективное решение проблемы совершенствования уголовной политики Российской Федерации.

Как пишет О.В. Андрийчук, существуют особенности правового статуса прокурора, рассматриваемого в качестве участника уголовного

судопроизводства. В данном случае можно говорить о том, что соответствующее должностное лицо может быть участником очень большого круга разнообразных общественных отношений, возникающих в сфере применения публичной власти.

В настоящее время необходимо также обеспечивать квалифицированное участие прокуроров в судебном разбирательстве уголовных дел публичного и частно-публичного обвинения, за расследованием которых они осуществляли надзор.

Сотрудники прокуратуры должны исходить из того, что от активной позиции и профессионализма государственного обвинителя в значительной степени зависят законность и справедливость рассмотрения уголовного дела и учитывать в своей деятельности, что отказ от уголовного преследования невиновных и их реабилитация в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и поддержание обоснованного обвинения.

Органам прокуратуры необходимо обеспечить оптимальное и равномерное распределение нагрузки на государственных обвинителей с учетом их квалификации и опыта работы, сложности и объема уголовных дел, по которым поддерживается государственное обвинение.

Соответствующему руководителю требуется назначать государственных обвинителей заблаговременно, чтобы они имели реальную возможность подготовиться к судебному разбирательству.

С целью противодействия возможной коррупции и должностным злоупотреблениям, на руководителей органов прокуратуры была возложена обязанность поручения о поддержании государственного обвинения давать подчиненным прокурорам в письменной форме. Руководители не допускать возникновения обстоятельств, исключающих участие государственного обвинителя в производстве по уголовному делу в соответствии со статьями 61 и 62 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Представляется необходимым также исключить на практике возможность выбора прокурорами дел, по которым ими будет поддерживаться

государственное обвинение, а также случаи немотивированной замены государственного обвинителя.

В соответствии с п. 22 ст. 5 УПК РФ обвинением признается формулируемое следователем (вариативно – дознавателем) и в дальнейшем поддерживаемое прокурором в судебном заседании официальное утверждение о совершении определенным лицом определенного запрещенного уголовным законом деяния. Такой акт рассматривался как подводящий итоги всей предшествующей следственной работе, как базовое решение, по сути, выражающее смысл досудебного производства, потребность в существовании этого этапа уголовно-процессуальной деятельности. А его содержание отождествлялось с выводами следователя о реальности события преступления, о виновности подверженного уголовному преследованию человека, о доказанности других необходимых обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ и обусловленных классической римской формулой судебного познания: «*Quis? Quid? Ubi? Quibus auxiliis? Cur? Quomodo? Quando?*» – «Кто? Что? Где? С чьей помощью? Для чего? Каким образом? Когда?»

Несмотря на то, что функцию государственного обвинения в уголовном процессе сотрудники прокуратуры выполняли и в Российской империи и в Советском Союзе, а современная российская прокуратура также уже действует более тридцати лет с момента разработки соответствующего законодательства и закрепления института прокуратуры в Конституции Российской Федерации, само осуществление государственного обвинения до настоящего времени сталкивается с определенными проблемами и некоторыми противоречиями. Изучение соответствующих проблем способно дать более качественное понимание соответствующих государственных и правовых механизмов, позволит наметить определенные пути к их последующему совершенствованию в будущем.

Обвинительная деятельность прокурора неразрывным образом связана с доказательством вины субъекта в совершенном преступлении. Одну из задач расследования в данном случае составляет установление субъективной

стороны противоправного деяния и вины обвиняемого (п. 2 ст. 68 УПК) – от термина «вина» и произошло название «обвинения» как стороны судебного разбирательства дела. Необходимо в данном случае обеспечить функционирование криминалистического доказывания вины, для чего требуется решить ряд вопросов общетеоретического, тактического и методического характера.

Установление преступного характера деяния и вины субъекта в уголовно-процессуальной литературе рассматривают в качестве главной и наиболее сложной задачи как следствия, так и суда

Человека, его права и свободы Конституция РФ признает высшей ценностью, обеспечение прав человека – прямая обязанность государства. В связи с этим в настоящее время существует насущная необходимость в выработке новой политики уголовной юстиции, совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства, проведения судебной реформы. Необходимо проведение и определенных реформ в сфере осуществления государственного обвинения, добавил в этом отношении мы.

Исходной предпосылкой осуществляемого в рамках написания диссертации исследования является предположение о практическом тождестве, существующем между доктринальной категорией «субъекты уголовно-процессуального права» и получившей нормативно-правовое закрепление в разделе 2 УПК РФ категорией «участники уголовного судопроизводства». Под субъектом УПП (участником уголовного судопроизводства) мы понимаем нормативно-определенное лицо, имеющее собственное имя и уникальный правовой статус, права и обязанности (полномочия), периода его «правовой жизни», т.е. от момента получения правового статуса и до его прекращения.

Должностные лица органов прокуратуры являются активными участниками уголовного судопроизводства, что свидетельствует о наличии у них процессуальной правосубъектности. Включив должностных лиц органов прокуратуры в группу участников стороны обвинения, УПК РФ закрепил за

ними два процессуальных статуса: прокурор и государственный обвинитель. Наличие указанных статусов признается большинством ученых, занимающихся данной проблематикой.

Наряду с этим в процессуальной науке высказано обоснованное мнение о «появлении в уголовном процессе «новых», неизвестных действующему УПК РФ должностных лиц органов прокуратуры, процессуальный статус которых выходит за рамки статуса прокурора и государственного обвинителя» [78]. В качестве таких новых участников В.А. Лазарева и С.И. Вершинина называют «вышестоящего прокурора и «иных прокуроров», осуществляющих свои полномочия в судебных заседаниях, не связанных с рассмотрением уголовного дела по существу обвинения, в связи с чем разграничивают две подгруппы участников от органов прокуратуры, действующих в каждой части судопроизводства»: в досудебном производстве – вышестоящий прокурор, прокурор и иной прокурор; в судебном производстве – прокурор и гособвинитель.

Изучение отечественного уголовно-процессуального законодательства позволяет уверенно утверждать, что процессуальные статусы, обычно именуемые как «прокурор» или «государственный обвинитель» в данном случае не всегда могут найти свое адекватное применение на практике. В частности, такие наименования процессуальных статусов не неправильно было бы применять к соответствующим должностным лицам, сотрудникам органов прокуратуры в отношениях, возникающих при судебном рассмотрении жалоб и ходатайств в порядке ст. ст. 108, 125, 165 УПК РФ. Следовательно, участвуя в данных отношениях должностные лица органов прокуратуры используют правосубъектность, которая пока еще не получила легального очертания, в должной степени не изучена, не поименована, и требует своего научного осмысления.

Чтобы ответить на вопрос, сколько процессуальных статусов замещают должностные лица органов прокуратуры, как возникает их процессуальная правосубъектность, насколько этот процесс формализован с точки зрения

нормативно-правового оформления и является ли он достаточным для решения задач уголовно-процессуального регулирования, проведем декомпозицию «прокурорских процессуальных статусов» до уровня их основных элементов:

- наименование (название) субъекта права;
- основания получения и прекращения статуса;
- порядок приобретения правоспособности и дееспособности (правосубъектности);
- права, обязанности, ответственность (процессуальные полномочия).

Институт прокуратуры в нашем государстве исторически складывался в качестве органа государственного надзора за состоянием законности, что касается, в том числе, и деятельности, осуществляемой иными участниками уголовного судопроизводства.

Как представляется из анализа содержания отечественного Основного закона, осуществление функции поддержания государственного обвинения должностными лицами органов прокуратуры не может рассматриваться в качестве основного направления их деятельности и не нашло прямого упоминания в тексте действующей конституции нашей страны. Не было упоминания о такой функции и в предшествующей Конституции РСФСР 1978 года, несмотря на то, что в целом вопросам организации прокуратуры в ней было уделено значительно большее внимание, в том числе в состав Основного закона была включен раздел IX. «Правосудие, арбитраж и прокурорский надзор» содержащий главу 22 «Прокуратура», включающую четыре статьи.

Уголовно-процессуальный статус прокурора. Правовым основанием появления прокурора в качестве субъекта уголовно-процессуального права в нашем государстве выступает ст. 37 УПК РФ, определяющая его как участника стороны обвинения, реализующего две обособленные процессуальные функции. Во-первых, прокурор участвует в реализации уголовного преследования и юридически уполномочен осуществлять соответствующую деятельность от имени государства. Закрепленные за

прокурором полномочия фактически делают его лицом, возглавляющим сторону обвинения в уголовном процессе. Во-вторых, прокурор призван также и осуществлять процессуальный надзор за деятельностью органов расследования. Подобного рода дуализм закрепленных за прокурором функций, определяет двойственность, которой характеризуется правовой статус этого должностного лица в рамках уголовного судопроизводства по законодательству Российской Федерации.

Уже на этапе появления данного субъекта - при определении должностных лиц, отечественным законодателем были допущены весьма значимые и существенные противоречия. Так, в части 5 статьи 37 УПК РФ обозначено, что процессуальный статус, обозначаемый в качестве «прокурора» получают руководители органов прокуратуры и их заместители (назовем их прокуроры-руководители), а п. 31 статьи 5 УПК РФ дает более широкое понимание данного статуса, добавляя к прокурорам-руководителям «иных должностных лиц органов прокуратуры, участвующих в уголовном судопроизводстве и наделенных соответствующими полномочиями ФЗ о прокуратуре». Соответствующих субъектов в рамках нашего исследования логично было бы обозначить как «должностные лица органов прокуратуры». Представляется, что привлечение к участию в уголовно-процессуальных отношениях иных должностных лиц органов прокуратуры, наделение их в рамках соответствующих отношений статусом «прокурора», должно иметь непротиворечивое нормативное основание. Поскольку же здесь усматривается явное расхождение с уголовно-процессуальной нормой (ч.5 ст.37 УПК РФ), то присвоение соответствующего статуса должно видимо происходить на основании ФЗ о прокуратуре. Но такое решение явно противоречит ч. 1 ст. 1 УПК РФ закрепляющей, что «порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается УПК РФ, основанным на Конституции РФ».

Устраняя обозначенное противоречие между ч.5 ст.37 и п.31 ст.5 УПК РФ, мы склоняемся к тому, что ст.37 УПК РФ определяет полномочия

исключительно прокурора-руководителя. Помимо надзора за органами расследования на прокуратуру возложены и другие виды надзора за исполнением законов организациями и должностными лицами, осуществляющими нормотворческую, административно-исполнительную, правоохранительную и иные виды деятельности в различных сферах общественной жизни.

Хотя каждый вид прокурорского надзора выступает обособленной государственно-властной деятельностью, все они, в том числе и надзор в уголовном процессе, направлены на достижение единой конституционно-значимой цели – обеспечение верховенства закона, единство и укрепление законности, защиту прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства в той или иной сфере деятельности (ст.129 Конституции РФ и ст.1 ФЗ о прокуратуре). Универсальность и высокая значимость прокурорского надзора показывают его самостоятельный, надотраслевой статус и главенствующее положение в отношениях с любыми поднадзорными органами, в том числе с органами предварительного расследования.

Надзирающий прокурор организационно и предметно дистанцирован от любой поднадзорной деятельности, и в этом качестве не может рассматриваться в качестве субъекта отраслевой поднадзорной деятельности. Надзор прокурора – это всегда «взгляд со стороны», что придает объективность и непредвзятость прокурорской деятельности. Следовательно, если процессуальная отраслевая деятельность - предварительное расследование, составляет предмет прокурорского надзора, то надзор прокурора по отношению к соответствующей деятельности должен представлять собой нечто внешнее. Прокурор не должен входит в состав соответствующих структур, в противном случае его надзорная деятельность е сможет быть осуществлена на полностью беспристрастном основании. Таким образом, в данной месте исследования можно сформулировать правило, в соответствии с которым прокурор всегда должен находится за пределами

процессуальной деятельности, надзор за которой он осуществляет. Соответствующее правило по аналогии можно было применить и к иным видам надзора, причем не только прокурорского. Надзирая за состоянием законности в той или иной сфере, прокурор не должен сам являться участником той деятельности, законность которую проверяет. Так, например, в ситуации, когда перед прокурором была поставлена задача осуществить надзор деятельностью органов, участвующих в осуществлении оперативно-розыскной деятельности, то, исходя из названного общего подхода к осуществлению государственной контрольно-надзорной деятельности, тем самым, мы должны сделать вывод, что сам прокурор, получивший такое задание, участником оперативно-розыскной деятельности не является и его деятельность, осуществляемая в процессе осуществления соответствующего надзора, к оперативно-розыскной не относится. Точно также, как, например, является бесспорным то обстоятельство, что осуществление прокурором общего надзора за деятельностью органов и должностных лиц, относимых к сфере реализации государственной и муниципальной власти, предполагает не вхождение органов прокуратуры ни в одну из трех ветвей власти – при осуществлении соответствующего надзора представителем исполнительной или муниципальной власти прокурор, конечно, не является. Не случайно с середины XX века ученые указывали на правовую обособленность надзора, выделив в системе права отдельную отрасль прокурорского надзора, предмет которой составили особые государственно-властные отношения, возникающие при организации и деятельности прокуратуры. Таким образом, должное понимание общих принципиальных моментов и подходов к осуществлению прокурорского надзора и соотношению ветвей власти в Российской Федерации, позволяет нам обосновать и ответ на более частный вопрос – не вхождение прокурора в состав участников оперативно-розыскной деятельности, за деятельностью которых осуществляется прокурорский надзор. Такие отношения, как верно отмечала С.Г. Березовская, по своей природе являются отношениями политической организации общества [18], что

принципиально расходится с правовой природой уголовно-процессуальных отношений.

Следующий аргумент, подтверждающий вывод о надотраслевом статусе прокурора заключается в том, что соответствующее должностное лицо по должности вправе участвовать в осуществлении соответствующего надзора. Получение какого-либо специального правового или процессуального отраслевого статуса для вхождения в уголовно-процессуальную деятельность в соответствующем качестве и начала осуществления прокурором осуществления соответствующего надзора за деятельностью органов предварительного расследования действующее российское законодательство в данном случае не предполагает. Таким образом, мы вправе считать, что присущие прокурору полномочия в уголовном судопроизводства носят не временный, а постоянный характер, они могут рассматриваться в качестве производных от замещаемой им должности руководителя органа прокуратуры и охватываются его должностной правосубъектностью. Можно сказать, что должностная правосубъектность прокурора-руководителя заменяет его процессуальную правосубъектность. Именно поэтому в УПК РФ отсутствуют основания как для получения прокурором процессуального статуса, так и для его прекращения. Соответственно прокурор, осуществляющий процессуальный надзор, выступает не как участник уголовного судопроизводства (субъект уголовно-процессуального права), а как должностное лицо, обладающее государственно-властными и организационно-распорядительными полномочиями в отношении любого поднадзорного субъекта.

Участие прокурора в качестве надзирающего субъекта в отношениях с органами расследования обеспечивается его должностной правосубъектностью и территориальной юрисдикцией, которые постоянны и универсальны в течение всего срока замещения должности прокурора. В этом смысле ст.37 УПК РФ «Прокурор» должна быть выведена за пределы главы 6 и переименована в «Полномочия надзирающего прокурора», что раскрывало

бы функциональную направленность деятельности прокурора в уголовном процессе в соответствии со ст.129 Конституции РФ и статьями 29 и 30 Федерального закона о прокуратуре.

Сегодня прокурорский надзор – «базовая и профильная функция» современной российской прокуратуры [107], имеющая конституционно-правовое признание, а после конституционных изменений 2020 года и важное политическое значение, что отмечается в работах авторитетных ученых: «прокуратура РФ фактически стала инструментом так называемой «президентской власти» [31]. В таком качестве роль прокурора значима и равноценна во всех сферах общественной жизни, в том числе и в части надзора за органами предварительного расследования.

Как отмечено, помимо надзора за деятельностью органов расследования, на прокурора-руководителя в соответствии с ч.1 ст.21 и ст.37 УПК РФ возложена функция уголовного преследования (обвинения). Допускаемые законодателем терминологические различия в использовании понятий «обвинение» и «уголовное преследование» вносят путаницу не только в функциональную характеристику уголовного процесса, но и в содержание процессуальных статусов субъектов уголовно-процессуального права, осуществляющих обвинение. Тем не менее, взяв за основу единство целей и задач, стоящих перед прокурором и органами расследования в части уголовного преследования (обвинительной деятельности), общую нацеленность на решение стоящих перед государством правоохранительных задач, УПК РФ обеспечивает преемственность в деятельности государственных органов, возлагая на органы прокуратуры полномочия по поддержанию государственного обвинения в суде. Необходимо в данном случае отметить и еще одно отличие. Так, в отличие от общего прокурорского надзора, функция уголовного преследования может на практике осуществляться любым должностным лицом органа прокуратуры. Может уголовное преследование в числе прочего осуществляться и прокурором-руководителем в статусе государственного обвинителя.

Государственный обвинитель –обозначен п.6 ст. 5 УПК РФ как «поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу должностное лицо органа прокуратуры». Это положение характеризует обвинителя в качестве субъекта уголовно-процессуального права. Представляется, что используемое законодателем наименование этого субъекта, как и определенная в уголовно-процессуальном законодательстве сфера его деятельности могут рассматриваться в качестве уникальных в том отношении, что больше нигде в отраслях российского права соответствующий субъект не встречается. Таким образом, в качестве субъекта права прокурор - государственный обвинитель в нашем государстве присутствует исключительно в уголовно-процессуальном законодательстве, а его правосубъектность носит исключительно уголовно-процессуальный характер.

Учитывая, что реализация обвинительной функции требует значительных кадровых ресурсов, законодатель в п. 6 ст. 5 УПК РФ, закрепляет широкий круг должностных лиц органов прокуратуры, уполномоченных на получение уголовно-процессуального статуса государственного обвинителя. Проблема, однако в том, что эти же должностные лица указываются в п.31 ст.5 УПК РФ, но уже в статусе «прокурора», вступая тем самым в противоречие со ст.37 УПК РФ. Такая двойственность в наименовании государственных обвинителей привела к тому, что в тексте УПК РФ вместо государственного обвинителя можно встретить указание на прокурора (например, ст.246 УПК РФ).

Отметим, что правосубъектность государственного обвинителя не является качеством, которое присуще лишь только должностным лицам органов прокуратуры. Соответствующей правосубъектностью в данном случае обладает и любой вышестоящий прокурор (Генеральный прокурор РФ, прокурор республики в составе РФ, прокурор края, области и т.д.) [71] при его участии в судебном разбирательстве в рамках чего им преследуется цель поддержания государственного обвинения. В данном случае важно подчеркнуть то обстоятельство, что прокурор, привлеченный к участию в

уголовном судопроизводстве для реализации в его стадии поддержки государственного обвинения и обеспечения его законности, в рамках реализации своей уголовно-процессуальной функции обвинения утрачивает свои государственно-властные полномочия и становится одним из участников уголовного процесса, подчиняется его общим принципам.

В настоящее время несмотря на высокую значимость, которой характеризуется правовое положение государственного обвинителя в достижении целей уголовного судопроизводства, правовое оформление его процессуального статуса вызывает ряд серьезных нареканий.

Часть 2 ст.246 УПК РФ закрепляет положение, в соответствии с которым предусматривается обязательное поддержание государственного обвинения. Как участник государственный обвинитель вступает в уголовный процесс в начале судебного разбирательства соответствующего уголовного дела в рамках его рассмотрения судом первой инстанции. Более точное определение появления правового статуса государственного обвинителя позволяет отнести его возникновение к подготовительной части судебного заседания, т.к. согласно ч.1 ст. 266 УПК РФ председательствующий открывает судебное заседание и объявляет какое дело подлежит разбирательству и в каком составе. Соответственно, другие участники судебного разбирательства получают сведения о государственном обвинителе только на этом этапе.

Несколько больше информации о гособвинителе можно найти в ведомственных актах Генерального прокурора. Так, согласно Приказу Генерального прокурора № 376 [97], прокуроры должны назначать государственных обвинителей из числа подчиненных сотрудников заблаговременно, посредством составления в письменной форме поручения о поддержании обвинения, при этом исключать возможность выбора ими уголовных дел. УПК РФ не предусматривает вынесения такого поручения, поэтому его процессуальное значение ничтожно, оно имеет оперативно-служебный характер. Вместе с тем, полагаем целесообразным придать

поручению прокурора процессуальный характер и рассматривать его по аналогии с ордером адвоката, который предъявляется при вступлении в производство по уголовному делу (ч.4 ст.49 УПК РФ). Возможен и другой вариант процессуальной аналогии, например, вынесение государственным обвинителем акта о принятии поручения прокурора по поддержанию государственного обвинения.

Учитывая требование Генерального прокурора РФ о заблаговременном назначении государственных обвинителей для подготовки к судебному разбирательству, полагаем целесообразным принятие прокурором решения о назначении гособвинителя одновременно с утверждением обвинительного заключения (акта, постановления). Определение момента вступления в судопроизводство одного из основных участников важно не только для суда, но и для участников сторон обвинения и защиты, у которых еще до начала судебного разбирательства появляется возможность реализовать право на отвод государственного обвинителя.

Во-вторых, в УПК РФ не определен момент окончания процессуальной правосубъектности государственного обвинителя. Исходя из системного единства норм закона, учитывая мнения, существующие по этому поводу в посвященной этому вопросу специальной литературе, можно прийти к выводу, что в подавляющем большинстве рассматриваемых судами уголовных дел соответствующая правосубъектность прокурора – государственного обвинителя завершается с подачей им апелляционного представления в суд первой инстанции. Этот вывод мы вынуждены сделать несмотря на то, что ст. 389.12 УПК РФ предусматривает участие государственного обвинителя в судебном заседании при рассмотрении уголовного дела в суде апелляционной инстанции. Как следует в данном отношении из относимого к соответствующему вопросу Приказа Генеральной прокуратуры России от 30.06.2021 № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства», соответствующее «участие прокурора - государственного обвинителя в уголовно-процессуальной стадии

апелляционного производства должно быть ограничено жалобами, представлениям на решения, изданные мировым судьей (пункт 10). В остальных апелляционных судах обвинение поддерживает не гособвинитель, а должностное лицо органа прокуратуры соответствующего уровня», т.е. иной прокурор.

В-третьих, согласно ч.4 ст.246 УПК РФ, государственный обвинитель может быть, как индивидуальным, так и коллективным субъектом, при этом что понимать под коллективной формой участия обвинителей закон не разъясняет. Остаются без ответа и другие вопросы: обязательно ли одновременное участие всех должностных лиц органов прокуратуры в судебном разбирательстве, либо их участие может быть поочередным; может ли количество гособвинителей превышать количество защитников подсудимого; какие процессуальные полномочия у руководителя и участников группы гособвинителей и т.д.

Не меньше проблем с решением вопроса о процессуальной самостоятельности государственного обвинителя и определением полномочий, составляющих его процессуальный статус: с одной стороны, в уголовном судопроизводстве гособвинитель выступает как самостоятельный участник, но с другой стороны он находится в отношениях жесткой централизации и субординации со своим руководителем - вышестоящим прокурором, и обязан поддерживать его позицию.

Иной прокурор - как субъект уголовно-процессуального права. Осуществление прокурором надзорных полномочий в уголовно-процессуальной сфере на основе своей должностной правосубъектности, не означает, что прокурор не обладает уголовно-процессуальной правосубъектностью. В УПК РФ предусмотрен ряд полномочий прокурора, четко отнести которые к надзорной функции или функции уголовного преследования не представляется возможным. В качестве примера подобной неопределенности можно привести пункт 8 ч.2 ст. 37 УПК РФ, в рамках которого законодателем была зафиксирована компетенция прокурора

принимать участие в судебных заседаниях, которые назначаются на стадии досудебного производства. Также следует согласиться, что помимо досудебного производства участие прокурора обязательно в стадии исполнения приговора при рассмотрении вопросов, перечисленных в ст.397 УПК РФ, а также в судебном рассмотрении запросов «о передаче гражданина иностранного государства, осужденного к лишению свободы судом Российской Федерации, для отбывания наказания в государство, гражданином которого осужденный является» или же выдаче соответствующего лица для осуществления в его отношении уголовного преследования. Участвуя в данных судебных заседаниях, прокурор осуществляет полномочия, которые явно выходят за пределы функций прокурорского надзора или уголовного преследования. Соответственно возникает вопрос: какие цели и задачи стоят перед прокурором в рамках проводимых судебных заседаний и в каком статусе он участвует?

Прежде чем ответить на данный вопрос, отметим, что в указанных случаях под прокурорами понимается широкий перечень должностных лиц. Мы полагаем, что с учетом этой процессуальной роли дано определение понятия «прокурор» в п.31 ст.5 УПК РФ, включающем прокуроров всех уровней, их заместителей и «иных должностных лиц органов прокуратуры, участвующих в уголовном судопроизводстве и наделенных соответствующими полномочиями ФЗ о прокуратуре». Анализ нормативных актов, исходящих от Генеральной прокуратуры Российской Федерации, позволяет прийти к выводу, что здесь производится своеобразная дифференциация – кроме прокуроров, привлекаемых к участию в судебных разбирательствах по рассмотрению уголовных дел, выделяется также и иная группа соответствующих сотрудников - прокуроры, участвующие в судебных заседаниях, не связанных с осуществлением уголовного преследования. В первом случае речь в соответствующем нормативном акте идет о собственно государственных обвинителях. Должностные лица органов прокуратуры, являющиеся участниками уголовно-процессуальной деятельности, но

функцию государственного обвинения не реализующие, в данном случае получили наименование «иные прокуроры». Согласимся с целесообразностью использования соответствующего термина и будем использовать его именно таким образом в нашем исследовании.

Главное отличие между тремя категориями должностных лиц прокуратуры, на которых распространяется действие норм уголовно-процессуального права: «надзирающим прокурором», «государственным обвинителем» и «иным прокурором» заключается далеко не только в формировании соответствующего перечня субъектов, уполномоченных получить соответствующий статус в рамках осуществления ими уголовно-процессуальной деятельности. Классифицирующим признаком в данном случае должны выступать осуществляемые этими субъектами уголовно-процессуальные функции. В данном случае особо следует подчеркнуть, что это именно не функция уголовного преследования поскольку предмет судебных заседаний в указанной ситуации не связан с обвинением лица. Полностью исключается и функция процессуального надзора, так как на основании ст.37 УПК РФ прокурорский надзор осуществляется исключительно за органами предварительного расследования.

К сожалению, процессуальный статус иного прокурора не обозначен в УПК РФ, хотя именно он должен стать основой для формирования уголовно-процессуальной правосубъектности иного прокурора. Отсутствует как процессуальное наименование данного участника, так и порядок приобретения и прекращения процессуальной правосубъектности, нет ясности и в его целях и задачах. Для решения этих вопросов следует определиться с процессуальной функцией, которую осуществляет иной прокурор в судебных заседаниях, проводимых в ходе досудебного производства, либо в стадии исполнения судебного решения. Этот вопрос будет рассмотрен в следующем параграфе.

Вышестоящий прокурор. Следующий субъект от органов прокуратуры, обозначенный в УПК РФ и участвующий в уголовном судопроизводстве,

называется «вышестоящий прокурор». В тексте УПК данное лицо упоминается 18 раз в различных контекстах, а именно как: руководитель надзирающего прокурора (ч.5 ст. 37, ч.4 ст. 41, ч.1 ст.66 УПК РФ и др.); руководитель государственного обвинителя (ч.2 ст.258, ч.1 ст.389.1 УПК РФ). Не случайно в уголовно-процессуальной науке признается, что «употребление в законе понятия «вышестоящий прокурор» относится не только к руководителю соответствующей прокуратуры, но и к любому оперативному работнику аппарата данной прокуратуры» [71].

Как и надзирающий прокурор, вышестоящий прокурор вступает в отношения с участниками уголовного судопроизводства на основе своей должностной правосубъектности, что выводит его из круга субъектов уголовно-процессуального права. Исключение составляет ст.389.1 УПК РФ, когда вышестоящий прокурор приносит апелляционное представление и вступает в апелляционное производство в качестве государственного обвинителя, участника судебного заседания по апелляционному пересмотру уголовного дела.

Подводя итоги проведенному анализу правосубъектности должностных лиц органов прокуратуры отметим, что обозначенный УПК РФ правовой статус прокурора допускает смешение различных процессуальных и не процессуальных ролей должностных лиц органов прокуратуры, что мешает эффективной организации их деятельности в уголовном судопроизводстве.. Решение проблемы мы видим в законодательном разграничении правовой регламентации двух видов правосубъектности должностных лиц органов прокуратуры:

- а) должностной правосубъектности руководителя органа прокуратуры и вышестоящего прокурора, обладающих государственно-властными полномочиями в отношении подчиненных сотрудников и органов предварительного расследования;

б) уголовно-процессуальной правосубъектности должностных лиц органов прокуратуры, проявляющейся в двух процессуальных статусах:

3) государственного обвинителя – одного из основных участников судебного разбирательства, обеспечивающего уголовное преследование (обвинение) виновных лиц;

4) иного прокурора – как участника судебных заседаний, за исключением стадии судебного разбирательства непосредственно.

При совершенствовании уголовно-процессуального законодательства соответствующие должностные лица должны получить надлежащее правовое оформление в качестве субъектов уголовно-процессуального права, с необходимой и достаточной процессуальной правосубъектностью. Как представляется, в современных условиях и с точки зрения задачи повышения эффективности осуществления реализации уголовно-процессуальной деятельности со стороны органов государства и их должностных лиц, выделение соответствующих субъектов является необходимым и очевидным.

1.4 Функции прокурора в уголовном процессе и их осуществление должностными лицами органов прокуратуры

Формы участия должностных лиц прокуратуры в уголовном судопроизводстве и их полномочия обусловлены реализуемыми ими процессуальными функциями. Проблема соотношения функций прокурора и его полномочий постоянно находится в центре внимания процессуалистов [7, 9, 74], однако единого мнения так и не выработано. В большинстве случаев ученые исходят из наличия двух, указанных в ч. 1 ст. 37 УПК РФ, процессуальных функций – уголовного преследования (обвинения) и процессуального надзора. При этом высказываются мнения о необходимости объединения или соподчинения функций надзора и обвинения, в рамках

которого, по мнению одних, главенствующая роль должна отводиться функции обвинения [44] или уголовного преследования [76, 106], по мнению других – процессуальному надзору [133]. Наряду с этим выделяют и такие функции прокурора, как борьба с преступностью [127, с. 11-12], оказание правовой помощи [131], осуществление правозащитной деятельности [58, 123], руководство предварительным расследованием [34, 70, 143] и т. д. Если правозащитная и руководящая функции прокурора имеют хоть какие-то основания для выделения в уголовном процессе, то функция борьбы с преступностью для уголовно-процессуальной деятельности в принципе чужеродна, поскольку связана с осуществлением специфической активной деятельности и определенных действий, направленных на предупреждение либо прекращение преступления. В рамках уголовного процесса необходимо не бороться с преступлением, а установить виновное лицо и привлечь его к уголовной ответственности.

Обозначенные разночтения в определении функций прокурора привели к неопределенности его статуса в уголовном судопроизводстве. Являясь по закону участником стороны обвинения, прокурор тем не менее на досудебном производстве осуществляет полномочия, не связанные непосредственно с обвинительной деятельностью, а в судебном производстве его полномочия хотя и связаны с уголовным преследованием, в то же время допускают возможность отказа от обвинения. Чтобы разобраться в этом вопросе рассмотрим функции прокурора в уголовном судопроизводстве (т.е. его назначение, роль, круг деятельности, полномочия [2]) как систему взаимосвязанных и взаимообусловленных видов деятельности должностных лиц органов прокуратуры, направленных на достижение целей уголовного судопроизводства. За основу возьмем направления деятельности прокурора, указанные в ч.1 ст.37 УПК РФ.

. Сразу отметим, что в соответствии с ФЗ о прокуратуре № 2202-1 и УПК РФ, рассматриваемая функция осуществляется только руководителями органов прокуратуры и их заместителями. Предмет надзора в соответствии со

ст.29 ФЗ № 2202-1 составляет «соблюдение прав и свобод человека и гражданина, установленного порядка разрешения сообщений о преступлениях, выполнения ОРМ и расследования, а также законность решений, принимаемых органами, осуществляющими ОРД, дознание и предварительное следствие». Соответственно, для прокурора целью прокурорского надзора в уголовном процессе, как и в других сферах деятельности, является «обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства» (ст.1 закона о прокуратуре РФ).

Ведь прокурор осуществляет данную функцию даже тогда, когда материалы проверки по сообщению о преступлении не приводят к возбуждению уголовного дела и началу процессуальной деятельности [99].

Подтверждает данный вывод и ч.1 ст.37 УПК РФ. Если буквально понимать ее текст, определяющий направления деятельности прокурора: «прокурор уполномочен осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия», то видно, что рамками «уголовного судопроизводства» ограничено только уголовное преследование, а процессуальный надзор выступает самостоятельным направлением деятельности прокурора, имеющим надпроцессуальный характер [125, с. 414].

Полномочия прокурора по надзору за органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие, как следует из закона о прокуратуре (ст. 30), устанавливаются уголовно-процессуальным законодательством РФ. Использование в данном случае бланкетных норм в регламентации надзорных полномочий не изменяет конституционно-правовой статус прокурора как должностного лица, наделенного универсальными государственно-властными полномочиями по надзору за исполнением законов и соблюдением прав и свобод человека во всех общественно-значимых сферах

жизни государства, и не придает этим полномочиям отраслевой, в данном случае судопроизводственный (процессуальный) характер.

Важность и значимость прокурорского надзора убедительно показал Б.Я. Гаврилов, который используя статистические данные пришел к выводу, что усиление прокурорского надзора за качеством следствия «отразилось с одной стороны в увеличении количества уголовных дел, возвращенных прокурором для производства дополнительного расследования следователями ОВД почти в два раза и следователями СК РФ более чем в четыре раза, что обеспечило значительное снижение количества уголовных дел, возвращенных судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ» [39]. Такие результаты свидетельствует в том числе об обособленности прокурорского надзора от процессуальной деятельности, осуществляемой органами предварительного расследования.

Правы те авторы, которые предлагают устранить существующее «двойственное положение прокурора, обусловленное разным объемом надзорных полномочий по отношению к органам дознания и органам предварительного следствия» [24]. Действительно, в досудебном производстве объем надзорных полномочий прокурора должен быть обусловлен не формой расследования, а необходимостью соблюдения порядка уголовного судопроизводства и защитой прав и свобод участников судопроизводства прежде всего при производстве предварительного расследования.

Таким образом, названная в ч.1 ст.37 УПК РФ функция прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия в буквальном понимании этого термина не является процессуальной, она имеет универсальный надпроцессуальный характер, т.к. распространяется на всю деятельность органов расследования в досудебной части уголовного процесса.

Во-вторых, уголовное преследование. Согласно толковому словарю С.И. Ожегова, «преследовать» означает «гнаться по следам, пускаться в

погоню, стараться догнать и поймать» [90, с. 510]. Похожий смысл придается термину «преследование» в уголовном процессе, в рамках которого участники стороны обвинения устанавливают лицо, совершившее преступление и собирают достаточную доказательственную базу, подтверждающую его виновность. Однако в уголовно-процессуальной науке нет единого подхода к пониманию природы уголовного преследования [92], в связи с чем возникают закономерные трудности при его регламентации и дальнейшем правоприменении субъектами, наделёнными такими полномочиями.

Проанализировав различные подходы к пониманию уголовного преследования начиная от Устава уголовного судопроизводства 1864 г., закрепившего понятие «уголовное преследование» в узком (преследование лица) и широком (преследование преступления) смысле [88], и завершая классическим определением уголовного преследования, сформулированного М.С. Строговичем, как «сложной системы действий, заключающейся в собирании доказательств, изобличающих обвиняемого, применении принудительных мер, служащих цели изобличения обвиняемого, привлечении к уголовной ответственности, применении мер пресечения, действиях прокурора по обоснованию обвинения перед судом» [117, с. 56] положенным в основу современного понимания уголовного преследования, мы исходим из следующего: уголовному преследованию подлежат лица, обвиняемые (подозреваемые) в совершении преступления; деяние может быть квалифицировано как преступление после установления в деянии состава преступления; обстоятельств состава преступления устанавливаются в ходе предварительного расследования. Соответственно, уголовному преследованию хронологически предшествует деятельность по установлению обстоятельств совершенного деяния, а само уголовное преследование – это не «суррогатное словообразование, нелепо отображающее всем известную и всеми отвергнутую функцию расследования» [15], как утверждают отдельные авторы, а обособленная процессуальная функция, осуществляемая уполномоченными субъектами в рамках уголовного процесса.

Основанный на принципах состязательности и публичности российский уголовный процесс отводит прокурору место в системе участников стороны обвинения, и соответственно, в осуществлении уголовного преследования. Применительно к данной функции в качестве уполномоченных субъектов от органов прокуратуры выступают должностные лица, обозначенные в п.31 ст.5 УПК РФ: «Генеральный прокурор РФ и подчиненные ему прокуроры, их заместители и иные должностные лица органов прокуратуры, участвующие в уголовном судопроизводстве...». Проблема в том, что закрепляя за прокуратурой функцию уголовного преследования (обвинения), законодатель оставляет без внимания то, что в досудебном производстве указанная функция реализуется также и другими государственно-властными субъектами – органами расследования. Устранение этой проблемы возможно посредством «разделения труда» между государственными органами, действующими в досудебном производстве, которое позволит обозначить каждому должностному лицу, задействованному в осуществлении уголовного преследования, собственный объем полномочий. Но в действующем УПК РФ данный подход не используется.

Не дает ясности в понимании роли прокурора в осуществлении уголовного преследования и Федеральный закон «О прокуратуре РФ». В соответствии с ч. 2 ст. 1 закона, «прокурор осуществляет уголовное преследование в соответствии с полномочиями, установленными уголовно-процессуальным законодательством».

Взяв за основу нормативное понятие и содержание уголовного преследования (п.55 ст.5 УПК РФ) как процессуальной деятельности, осуществляемой стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, очевидно, что указанная деятельность в досудебном производстве осуществляется не прокурором, а исключительно органами расследования. Помимо отсутствия поисковых элементов в прокурорских полномочиях по надзору за расследованием, его «включение» в производство по уголовному делу осуществляется

фрагментарно, в рамках контроля отдельных этапов уголовного судопроизводства.

К аналогичному выводу приходим, если посмотреть на проблему определения «вклада» прокурора и иных должностных лиц органов прокуратуры в осуществление уголовного преследования в досудебном производстве в аспекте полномочий, обозначенных ч. 2 ст. 37 УПК РФ. Исходя из законодательной дефиниции уголовного преследования (п. 55 ст. 5 УПК РФ), можно констатировать, что ни одно из указанных в данной статье полномочий не связано напрямую с изобличением, так как не предусматривает каких-либо поисковых, познавательных или доказательных действий, но отдельные полномочия позволяют участвовать в формировании будущего обвинения, например, участие в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Также полагаем очевидным, что если цель уголовного преследования достигнута - лицо установлено и изобличено, т. е. органом расследования собраны достаточные доказательства, свидетельствующие о причастности лица к преступлению, то завершается не только предварительное расследование, но и уголовное преследование. И тогда дальнейшая процессуальная деятельность прокурора по утверждению обвинительного заключения, акта, постановления и формированию государственного обвинения явно выходит за пределы нормативной дефиниции уголовного преследования, т.к. эта деятельность отличается не только по содержанию, но и по целям ее осуществления.

Если же содержание уголовного преследования, осуществляемого прокурором рассматривать исключительно в контексте деятельности, обозначенной ч.3 ст.37 УПК РФ – поддержание государственного обвинения, то роль прокурора ограничивается лишь утверждением государственного обвинения при окончании досудебного производства, а субъектом уполномоченным на поддержание государственного обвинения является уже не прокурор, а государственный обвинитель, поддерживающий в суде

государственное обвинение. Помимо этого, в данном контексте поддержание обвинения имеет иное содержание, чем установлено п.55 ст.5 УПК РФ, а именно, оно понимается не как поиск и установление виновного лица, посредством собирания доказательств, а как деятельность по доказыванию (обоснованию)суду уже установленной органами расследования, и утвержденной прокурором виновности лица.

С учетом сказанного мы приходим к следующим выводам об участии прокурора и должностных лиц органов прокуратуры в реализации функции уголовного преследования (обвинения):

- в узком смысле уголовное преследование, по смыслу, придаваемому п.55 ст.5 УПК РФ, начинается и осуществляется следователем, дознавателем в форме предварительного расследования, и завершается им составлением обвинительного заключения (ст. 215), обвинительного акта (ст. 225) или обвинительного постановления (ст. 226.7).К моменту окончания досудебного производства собирается достаточная доказательственная база для изобличения (установления) лица и обоснования его виновности в совершенном преступлении. Утверждая итоги предварительного расследования, прокурор соглашается, что органом расследования достигнута цель уголовного преследования: виновное лицо установлено и изобличено, а собранные доказательства достаточны для обоснования перед судом виновности лица и привлечения его к уголовной ответственности. При таком подходе роль прокурора на этапе досудебного производства проявляется не в том, чтобы внести свой вклад в процесс изобличения лица, а в том, чтобы объективно и непредвзято проверить, насколько законно и обоснованно орган расследования реализовал свои полномочия по уголовному преследованию. Другие должностные лица органов прокуратуры такими полномочиями не обладают. Сказанное означает, что от органов прокуратуры в досудебном производстве действует

единственный субъект– прокурор, основная задача которого обеспечить законность деятельности органов расследования, посредством осуществления прокурорского надзора. Завершив надзорную деятельность за органом расследования и установив основания для применения уголовного закона, прокурор инициирует начало уголовного преследования (обвинения) и формирует государственное обвинение;

- если же уголовное преследование рассматривать в широком смысле, в контексте обвинения (п.45 ст. 5 УПК РФ), то цели и содержание этой деятельности явно выходят за рамки предварительного расследования, и в целом досудебного производства. При таком подходе очевидно несоответствие смыслов «уголовного преследования» по п.55 ст.5 УПК РФ и функции обвинения, обозначенной ст.15 УПК РФ. Представляется необходимым говорить об обособлении в рамках уголовного процесса такого субъекта, как государственный обвинитель, обладающий соответствующей процессуальной правосубъектностью (п.6 ст.5 УПК РФ).

Следовательно, в широком понимании уголовного преследования к обвинительной деятельности от органов прокуратуры в течение всего судопроизводства допускается два субъекта:

- в досудебном производстве прокурор, как субъект, формирующий и утверждающий государственное обвинение;
- в судебном производстве – должностное лицо органа прокуратуры в статусе государственного обвинителя.

Содержание и цели должностных лиц органов прокуратуры при реализации данной функции обусловлены целями, стоящими перед уголовным судопроизводством, а пределы ее осуществления не выходят за границы уголовного судопроизводства, на что справедливо указывают Н.Н. Ковтун[61] и Н.Ю. Решетова [104].

В буквальном понимании уголовного преследования участие прокурора и иных должностных лиц органов прокуратуры, в том числе в статусе государственного обвинителя, в осуществлении этой деятельности не предусмотрено. Однако, при широком понимании уголовного преследования в аспекте обвинительной функции должностных лиц органов прокуратуры отчетливо проявляются полномочия прокурора (руководителя органа прокуратуры), осуществляемые фрагментарно, на отдельных этапах уголовного судопроизводства, и полномочия государственных обвинителей, осуществляемые в судебном разбирательстве. Взятые в единстве, рассматриваемые полномочия образуют обвинительную функцию, осуществляемую соответствующими лицами в рамках уголовного судопроизводства.

Сопоставив должностные и процессуальные статусы должностных лиц органов прокуратуры с осуществляемыми ими функциями (ч. 1 ст.37 УПК РФ), мы пришли к выводу, что отдельные полномочия, указанные в этой статье (например, участие прокурора в судебных заседаниях, проводимых в ходе досудебного производства), а также в главах, регламентирующих порядок проверочных судебных производств, не охватываются ни функцией уголовного преследования, ни функцией процессуального надзора, что свидетельствует о существовании по меньшей мере еще одного направления деятельности должностных лиц органов прокуратуры в уголовном процессе – правоохранной деятельности.

Говоря об особенностях участия должностных лиц органов прокуратуры в досудебном производстве, обращает внимание то, что не все полномочия, которые они осуществляют в этой части уголовного судопроизводства, имеют государственно-властный характер, свойственный надзорной деятельности. Например – реализация полномочий, предусмотренных п. 8 ч. 2 ст. 37 по участию в судебных заседаниях при рассмотрении в ходе досудебного производства вопросов по мере пресечения, по производству следственных или иных процессуальных действий, которые допускаются на основании

судебного решения и т.д. В таких заседаниях прокурор вырабатывает собственную позицию по рассматриваемым судом вопросам, которая не является решающей для суда и рассматривается наравне с мнением других участников процесса и даже наравне с позицией органа расследования, что, на наш взгляд, алогично.

Соответственно, отсутствие государственно-властных полномочий у прокурора, участвующего в судебном заседании на досудебном производстве, не позволяет рассматривать его деятельность в формате надзора. Помимо того, что в качестве прокурора в судебных заседаниях участвует весь оперативный состав органов прокуратуры, а не только их руководители, что характерно надзорной деятельности, надзорные полномочия прокурора не распространяются на судебную деятельность, т.к. согласно ст.120 Конституции РФ «судьи независимы и подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону». Поэтому роль прокурора в судебном заседании заключается в том, чтобы «отстаивать избранную точку зрения, приводя четкие и убедительные аргументы» и «ориентировать суд на принятие законного решения» [100].

Об обязанностях прокурора «принимать участие в рассмотрении судом жалоб на действия (бездействие) дознавателя, следователя, прокурора в порядке, предусмотренном статьями 125 и 125.1 УПК РФ, а также в других судебных заседаниях в ходе досудебного производства...», говорится в Приказах Генеральной прокуратуры РФ. Помимо прокуроров-руководителей к участию в судебных заседаниях должны привлекаться подчиненные сотрудники, так называемые «иные прокуроры» [97], [98]. Поэтому употребляемый в этом контексте термин «прокурор» понимается в широком смысле и распространяется на всех должностных лиц органов прокуратуры, участвующих по поручению прокурора в судебных заседаниях в досудебном производстве.

Принципиальные различия в целях и предмете деятельности иных прокуроров и государственных обвинителей делают невозможным их

объединение в одном процессуальном статусе. Если для государственного обвинителя целью участия в судебном разбирательстве является обоснование виновности подсудимого перед судом; то цели иного прокурора, участвующего в судебном заседании при решении вопроса о мере пресечения.

Вызывает недоумение тот факт, что деятельность прокуроров в судебных заседаниях досудебного производства до сих не стала предметом рассмотрения на уровне Приказа Генерального прокурора РФ. Лишь в некоторых ведомственных актах, посвященных вопросам участия прокуроров в судебных стадиях и по отдельным видам надзора, можно найти упоминания об их участии в судебных заседаниях в ходе предварительного расследования и в стадии исполнения приговоров, ориентирующие прокуроров на «обеспечение неукоснительного соблюдения конституционных прав граждан» (Приказ № 189). В связи с этим, а также на основании правового статуса прокурора, установленного ФЗ о Прокуратуре РФ, полагаем очевидным, что участие должностных лиц органов прокуратуры в судебных заседаниях, не связанных с осуществлением обвинительной функции, направлено на соблюдение прав и свобод человека и обеспечение публичных интересов.

Аналогичное положение у прокурора в судебных заседаниях, проводимых в порядке кассации и надзора. Хотя УПК РФ именуется данного участника «прокурор», как показывает практика фактически принимает участие не прокурор, а подчиненное ему должностное лицо органа прокуратуры.

Учитывая, что цель участия должностных лиц органов прокуратуры в обозначенных судебных заседаниях обусловлена правовым статусом прокурора как «ока государева» и направлена на охрану конституционного строя России и общественно-значимых ценностей, в том числе прав и свобод человека и гражданина, но осуществляется на основе равноправия с другими участниками судебных заседаний, указанную деятельность можно рассматривать в формате обособленной процессуальной правоохранной функции.

Мы исходим из того, что «носителями полномочий прокуратуры выступает не прокуратура РФ и даже не ее органы, а конкретные должностные лица – прокуроры» [30], Правило должностной правосубъектности руководителей, не применяется к другим должностным лицам органов прокуратуры, которые для участия в отраслевых правоотношениях должны получить соответствующий правовой (процессуальный) статус.

Исходя из обозначенных УПК РФ (ч.1 ст.37) функций прокурора и процессуальных полномочий делаем вывод:

- а) «прокурор» -как руководитель органа прокуратуры обладающий должностной, универсальной правосубъектностью, позволяющей ему в сфере уголовного судопроизводства осуществлять две государственно-властные функции:
 - 3) надзор за деятельностью органов предварительного расследования;
 - 4) обвинение (уголовное преследование);
- б) «вышестоящий прокурор» -это руководитель вышестоящего органа прокуратуры обладающий должностной правосубъектностью, позволяющей ему осуществлять контроль в отношении нижестоящих прокуроров и подчиненных сотрудников на основании ФЗ «О прокуратуре РФ»;
- в) «государственный обвинитель» -это уникальный субъект уголовно-процессуального права, возникающий на стадиях судебного разбирательства и апелляционного производства, посредством принятия должностным лицом органа прокуратуры поручения прокурора о поддержании государственного обвинения и получающий в связи с этим процессуальную правосубъектность;
- г) «иной прокурор»-это уникальный субъект уголовно-процессуального права, возникающий на стадиях досудебного производства, а также проверочных судебных стадиях, посредством принятия должностным лицом органа прокуратуры поручения

прокурора об участии в судебных заседаниях, не связанных с уголовным преследованием, и получающий в связи с этим процессуальную правосубъектность.

Выявленные особенности в функциональной направленности прокурорской деятельности свидетельствуют о необходимости пересмотра процессуального статуса прокурора как участника стороны обвинения. Так как решение этого вопроса невозможно в действующей классификации участников уголовного судопроизводства, полагаем что настало время для ее критического переосмысления и моделирования новой системы субъектов уголовно-процессуального права (лиц, участвующих в судопроизводстве).

Глава 2 Правосубъектность прокурора в уголовном процессе (в рамках должностной правосубъектности)

2.1 Правовая природа, структура и содержание должностной правосубъектности прокурора

Рассматривая правосубъектность как юридическое свойство лица, формируемое в порядке приобретения им право- и дееспособности субъекта права и свидетельствующее о его готовности вступать в правоотношения в качестве данного субъекта, мы исходим из того, что правосубъектность прокурора как руководителя органа прокуратуры, также приобретается в установленном законом порядке, а именно, в порядке замещения соответствующей должности руководителя определенного органа прокуратуры, действует в течение всей его службы и прекращается в связи с освобождением от должности. Особый статус органов прокуратуры в системе государственной власти, а также содержание полномочий, возложенных на прокуратуру Конституцией РФ и ФЗ «О прокуратуре РФ», придают должностной правосубъектности прокурора всеобъемлющий и универсальный характер, позволяющий прокурору вступать в любые правоотношения в пределах своей юрисдикции (в т.ч. в сфере административного, гражданского или уголовного юрисдикционного производства), используя имеющуюся должностную правосубъектность.

Обособленность прокуратуры в системе государственной власти и ее уникальность, проявляющаяся в присущем «ей механизме реализации возложенных на нее полномочий, который не может рассматриваться в других отраслях права», позволили ученым обосновать необходимость выделения прокурорского права [20], [146] (права прокурорского надзора [4, с. 9] или прокурорско-надзорного права [18], [105, с.7]), в качестве самостоятельной отрасли правовой науки, предмет регулирования которой составляет «статус прокуратуры и прокурорских работников» [146]. Такой подход законодателя

объясняет отсутствие в УПК РФ механизма приобретения прокурором уголовно-процессуальной правосубъектности. Уголовно-процессуальный закон содержит лишь отдельные бланкетные нормы, детализирующие полномочия прокурора в сфере уголовного судопроизводства. Поэтому считать, что «правовой статус прокурора подробно закреплен в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации» [125, с. 414], на что указывают В.В. Трухачев и У.Н.Ахмедов, на наш взгляд, преждевременно. Этот тезис будет верным, если в УПК РФ помимо наименования самих функций, обозначить сферу их осуществления, цели деятельности прокурора и полномочия, составляющие их содержание.

Должностная правосубъектность прокурора, получившая конституционно-правовое закрепление, устанавливает доминирующее положение прокурора в отношениях, связанных с осуществлением возложенных на него функций и его особую, руководящую роль в решении вопросов, отнесенных к компетенции органов прокуратуры. Однако в уголовном судопроизводстве функции прокурора хотя и получили свое закрепление на уровне наименования – надзор и уголовное преследование (ч.1 ст.37 УПК РФ), понять, что составляет их содержание, какие полномочия прокурора обеспечивают реализацию каждой из этих функций и в каком порядке, достаточно не просто. Трудности возникают как при обозначении целей и задач для каждого функционального направления деятельности прокурора, так и при определении сферы их применения. Как следствие, в уголовно-процессуальной науке сложилась ситуация, которую верно охарактеризовала Н.С. Манова: «Суть дискуссии о роли прокурора в уголовном процессе ныне нередко сводится к «перетягиванию каната», когда одни авторы настаивают на ограничении его полномочий, другие – на их расширении» [80]. Вступая в данную дискуссию и разрешая вопрос о правовой природе, структуре и содержании должностной правосубъектности прокурора, проявляющейся в сфере уголовного судопроизводства, остановимся на основных, базовых понятиях исследуемой тематики,

позволяющих наиболее полно и точно определить семантическое значение обозначенных категорий.

Ключевым термином в определении правовой природы должностной правосубъектности прокурора является категория «функция», под которой традиционно понимают основные направления деятельности, тесно взаимосвязанные, но не совпадающие и не поглощающие друг друга [115]. В соответствии со ст.1 ФЗ «О прокуратуре РФ» правовой статус прокурора и производная от него правосубъектность обусловлены возложенными на прокуратуру функциями, что логично. В связи с этим, не можем согласиться с А.Ю.Чуриковой, по мнению которой функциональный подход «не позволяет комплексно исследовать деятельность прокурора во всех ее многогранных проявлениях» [140, с. 5].

Процессуальная функция - это не просто направление деятельности; функция – это направленная деятельность субъекта на получение определенного результата (достижение функциональной или субъективной цели). Представленное понимание функции является общепризнанным, отражается в большинстве учебников по уголовному процессу [129, с. 7] и берется нами за основу в данном исследовании. Следует сказать, что в правоприменительной деятельности для органов прокуратуры сложилось и иное значение термина «основные направления деятельности», выходящее за пределы понятия «функция». Как отмечает А.И. Гальченко, функции прокуратуры устанавливаются законами, а основные направления деятельности прокуратуры, в отличие от ее функций являются менее постоянными категориями, поскольку изменяются с учетом потребностей общества [40], например, в настоящее время в качестве основных направлений деятельности прокуратуры можно назвать борьбу с коррупцией, терроризмом, экстремизмом и т. д.

Прокурор, как руководитель органа прокуратуры, обеспечивает исполнение функций прокуратуры во всех сферах жизнедеятельности общества. В соответствии с ФЗ о прокуратуре РФ и УПК РФ на прокурора в

уголовном процессе возложено исполнение двух функций. Однако качество правового регулирования данных функций в части составляющих их полномочий, не вносит ясности в решение вопросов о содержании и структуре должностной правосубъектности прокурора, о соотношении и разграничении его функциональных полномочий и об определенности целей, стоящих перед прокурором по каждому направлению деятельности.

Причин этому несколько.

Во-первых, процессуальная функция как направление деятельности не должна рассматриваться в отрыве от конкретного субъекта учитывая, что функциональная цель достигается именно этим субъектом. В рамках уголовно-процессуального регулирования использование термина «прокурор» не всегда понятно, этот термин распространяется как на прокурора руководителя, так и на остальных должностных лиц органов прокуратуры. Если у прокурора как руководителя органа прокуратуры, его полномочия по осуществлению каждой функции презюмируются, закрепляя за прокурором то или иное полномочие в уголовном судопроизводстве, следует указывать о каком должностном лице идет речь.

Очевидная взаимосвязь между функцией и осуществляющим ее субъектом ставит вопросы, требующие углублённого изучения: может ли одна функция осуществляться несколькими субъектами и может ли один субъект обеспечивать несколько функций? Анализ УПК РФ показывает, что законодатель положительно отвечает на данные вопросы. Например, функция уголовного преследования возлагается на различных участников стороны обвинения, как частных, так и публичных субъектов. Надзор за процессуальной деятельностью органов расследования составляет исключительную компетенцию прокурора, а уголовное преследование осуществляется им лишь в части, не получившей однозначного очертания в законодательстве.

Если рассуждать логически, возложение одной функции на двух и более субъектов без четкого распределения между ними «зон ответственности»

создает путаницу и непредсказуемость в осуществлении полномочий, что подтверждается многочисленными, часто противоречивыми суждениями ученых и практиков по вопросам осуществления уголовного преследования в досудебном производстве. Если же такие «зоны ответственности» выделить для каждого из должностных лиц, то следует говорить уже о нескольких функциях (направлениях деятельности), каждая из которых обеспечивается отдельным субъектом и направлена на достижение своей уникальной цели. Даже поверхностный анализ уголовно-процессуального законодательства показывает, что в досудебном производстве орган расследования осуществляет предварительное расследование, а прокурор обеспечивает надзор за его деятельностью. Необходимость выделения данных функций отмечалась еще в советской уголовно-процессуальной науке [37], [147], но до сих пор, со ссылкой на действующий УПК РФ, за основу берется совместная деятельность прокурора и органа расследования в осуществлении уголовного преследования.

Т.К. Рябинина верно отмечает, что «с позиции теории управления невозможно какому-либо субъекту в одном лице (в данном случае – прокурору) эффективно осуществлять совершенно различные виды деятельности – надзорной, обвинительной и руководство (расследованием – К.К.А.) – одновременно» [106].

Действительно стоит согласиться, что один субъект не может эффективно осуществлять совершенно различные функции, но здесь следует добавить, что многофункциональность невозможна только в том случае, если эти виды деятельности осуществляются субъектом одновременно. Поэтому, оценивая возможность осуществления прокурором в уголовном процессе нескольких функций мы исходим из того, что рассматриваемые функции обеспечиваются прокурором не одновременно, а последовательно друг за другом: надзор за процессуальной деятельностью органов расследования [109]; уголовное преследование, получившее в 2020 г. конституционно-правовое закрепление [8].

Во-вторых, ни по одной из названных в УПК РФ функций прокурора не обозначены цели их осуществления, что дает основания для искаженного понимания целей и задач, стоящих перед прокурором при осуществлении надзора и уголовного преследования. Возьмем для примера функцию надзора, которая осуществляется прокурором в досудебной части уголовного судопроизводства и является отдельной формой выражения его государственно-властной деятельности по надзору за исполнением законов всеми государственными и муниципальными органами, их должностными лицами и гражданами. Полагаем бесспорным, что цель прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве соответствует общей цели надзорной деятельности, обозначенной в ч.2 ст.1 ФЗ о прокуратуре РФ, но достигается эта цель по более узкому предмету надзора – процессуальной деятельности органов предварительного расследования. При таком понимании целью прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве является обеспечение верховенства закона в деятельности органов предварительного расследования, защита прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства. Иначе, предметом прокурорского надзора в уголовном процессе является исполнение органами расследования положений УПК РФ, а его целью – выявление действий и решений органов расследования, нарушающих нормы УПК РФ.

К сожалению, признание данных обстоятельств и их закрепление в УПК РФ в качестве цели прокурорского надзора не является решением существующих проблем. Необходимо определиться с вопросом, что должен делать прокурор с выявленными нарушениями и как на них реагировать. Одни авторы обосновывают необходимость расширения надзорных полномочий прокурора, предусмотренных ст.ст. 24 и 28 ФЗ о прокуратуре РФ, посредством закрепления в УПК РФ прокурорского запроса и представления, как актов прокурорского реагирования на незаконные действия органов расследования [118]. Другие ученые настаивают на необходимости расширения полномочий прокурора в досудебном производстве, вплоть до отмены решений

следователя и принятия самостоятельных процессуальных решений, обосновывая свой тезис сложившейся на практике фактической ролью прокурора как руководителя уголовного преследования [113]. Какое из обозначенных предложений на наш взгляд более обосновано, рассмотрим далее, а здесь полагаем необходимым отметить, что содержание прокурорского надзора за органами расследования должно только коррелироваться целями досудебного производства, но и обуславливать последующую функцию прокурора в уголовном судопроизводстве – функцию уголовного преследования или обвинения.

Возвращаясь к правосубъектности прокурора, следует определиться с его полномочиями, составляющими содержание функции уголовного преследования или обвинения. В судебном производстве такие полномочия обозначены, они связаны с поддержанием государственного обвинения. В досудебном производстве их наличие не так очевидно. Если с момента получения сообщения о преступлении и до окончания предварительного расследования прокурор обеспечивает надзор за деятельностью органа расследования, то после окончания расследования, при условии, что имеются основания для выдвижения государственного обвинения, прокурор переходит к осуществлению функции уголовного преследования, согласовывая обвинительное заключение, акт или постановление и утверждая таким образом государственное обвинение. Реализуемое в ходе предварительного следствия полномочие по заключению с обвиняемым, подозреваемым досудебного соглашения о сотрудничестве, также направлено на формирование будущего государственного обвинения. Исполненное обвиняемым, подозреваемым соглашение позволяет прокурору корректировать объем обвинения и ходатайствовать о назначении судом более мягкого наказания, условного осуждения или освобождения от отбывания наказания (ст.317.7 УПК РФ). И первое, и второе полномочие реализуется исключительно прокурором и направлено на формирование государственного

обвинения, что позволяет говорить об участии прокурора в осуществлении уголовного преследования на досудебном производстве.

После передачи уголовного дела в суд место прокурора занимает новый участник от органов прокуратуры - государственный обвинитель. Вновь прокурор как руководитель органа прокуратуры, появляется вместе с государственным обвинителем в стадии апелляционного пересмотра уголовного дела (ст.389.1 УПК РФ). В дальнейших судебных стадиях прокурор является обязательным участником судебных заседаний, но должностной статус прокурора в большинстве случаев не определен. Как правило, в законодательных положениях речь идет о прокуроре в контексте п. 31 ст.5 УПК РФ, т.е. как о руководителе органа прокуратуры, так и о подчиненных ему сотрудниках, действующих в статусе «иного прокурора».

Оригинальную классификацию функций прокурора в судебном производстве представил А.И. Гальченко, по мнению которого, прокурор «наряду с функцией уголовного преследования обеспечивает в суде функцию участия в рассмотрении судами уголовных дел». Как считает автор, между функцией уголовного преследования и функцией участия в рассмотрении судами уголовных дел «существует очень тонкая грань, в связи с чем достаточно сложно их разграничить, но и отождествлять их не следует» [40]. Согласиться с такой точкой зрения нельзя. Действительно обозначенные функции не следует отождествлять, но и разграничивать их трудно прежде всего потому, что уголовное преследование и участие в рассмотрении дел судами соотносятся как содержание и форма, образуя отдельный правовой институт – поддержание государственного обвинения. Участие в суде – это не функция, а форма деятельности прокурора по поддержанию обвинения и осуществлению уголовного преследования.

В процессуальной литературе не раз упоминались и такие функции, как правозащитная [58], [123] или правоохранная [131], осуществляемая прокурором в судебных заседаниях досудебного производства. Оценивая обоснованность данных предложений Н.Р. Корешникова рассматривает

«правозащитную деятельность прокурора при рассмотрении уголовных дел судами» [65] не как отдельную функцию, а в рамках либо надзорной деятельности на досудебных стадиях, либо в рамках обвинительной деятельности в суде, ссылаясь на то, что осуществляемые прокурором функции направлены в том числе на защиту прав и свобод человека, а также охраняемых законом интересов общества и государства, на что неоднократно обращал внимание Конституционный Суд РФ[91].

Развивая эту мысль, обращаем внимание, что участие прокурора в судебных заседаниях в ходе предварительного расследования, либо в стадии исполнения судебного решения действительно является производным от конституционно-закрепленных полномочий прокурора по надзору за соблюдением прав и свобод человека. Аналогичного мнения придерживаются и прокуроры. Так, прокурор Брянской области, анализируя состояние прокурорского надзора за предварительным расследованием на территории Брянской области, пришел к выводу что прокурорами области посредством участия в судебных заседаниях, принимаются «меры по соблюдению конституционных прав граждан на досудебной стадии уголовного судопроизводства» [33].

Вместе с тем полагаем, что участие прокурора в судебных заседаниях в досудебном производстве должно рассматриваться не в рамках надзорной деятельности прокурора, т.к., во-первых, надзор не распространяется на судебную деятельность; во-вторых, прокурор не обладает в данных отношениях государственно-властными полномочиями. Не связано участие в судебном заседании и с обвинительной деятельностью. Прокурор вступает в судебное заседание с определенной целью – обеспечить защиту конституционно-значимых прав и свобод участников уголовного судопроизводства, и, следовательно, его деятельность может рассматриваться в качестве автономной функции в уголовном судопроизводстве.

Предлагаем законодательно закрепить участие прокурора в судебных заседаниях, не связанных с разрешением уголовного дела, посредством

создания механизма делегирования прокурором части своих полномочий подчиненным сотрудникам.

Таким образом, должностная правосубъектность прокурора как руководителя органа прокуратуры соответствующего уровня, статус которого закреплен Конституцией РФ и ФЗ «О прокуратуре РФ», позволяет ему осуществлять свои полномочия как непосредственно, так и через подчиненных ему сотрудников органов прокуратуры.

Прокурор вправе делегировать свои полномочия по поддержанию государственного обвинения должностным лицам органов прокуратуры, получившим статус государственного обвинителя, а полномочия по соблюдению конституционных прав и свобод человека- должностным лицам органов прокуратуры, действующим в статусе иного прокурора.

2.2 Полномочия прокурора по надзору за деятельностью органов предварительного расследования

Общепризнанно, что базовой функцией российской прокуратуры, начиная с момента ее создания и до настоящего времени, был и остается надзор за соблюдением и исполнением российского законодательства [87, с. 12],[107]. Приступая к исследованию должностной правосубъектности прокурора при осуществлении и процессуального надзора отметим, что надзор за органами предварительного расследования, как и другие виды надзора прокурора, например, за органами, осуществляющими оперативно-розыскную, уголовно-исполнительную либо иную деятельность, юридически и организационно обособлен от деятельности поднадзорного субъекта, имеет собственные цели и задачи, не совпадающие с целями и задачами поднадзорного субъекта. Устанавливая полномочия прокурора по надзору, законодатель исходит из того, что поднадзорные субъекты реализуют возложенные на них полномочия самостоятельно и под свою ответственность, а прокурор, не вмешиваясь в деятельность поднадзорного субъекта, не дублируя и не подменяя его, контролирует исполнение действующего законодательства. Можно сказать, прокурорский надзор - это объективный и непредвзятый «взгляд со стороны» на деятельность поднадзорных субъектов, на основании должностной правосубъектности прокурора как руководителя органа прокуратуры.

Исследуя надзор прокурора за деятельностью органов дознания и предварительного следствия, мы также исходим из того, что предварительное расследование, как и любой другой вид поднадзорной деятельности, юридически и организационно обособлен от прокурорского надзора, осуществляется органами расследования самостоятельно и направлен на достижение целей расследования. Соответственно прокурор не может и не должен участвовать в расследовании, он выступает в качестве внешнего наблюдателя, оценивающего законность деятельности органов

предварительного расследования на основании ст. ст. 29 и 30 ФЗ «О прокуратуре РФ».

Согласно ст. 29 указанного закона, предметом прокурорского надзора за исполнением законов органами предварительного расследования является «соблюдение прав и свобод человека и гражданина, установленного порядка разрешения сообщений о преступлениях, проведения расследования и законность решений органов дознания и предварительного следствия». Из приведенной дефиниции достаточно сложно понять, какие конкретно результаты деятельности органов расследования составляют предмет прокурорского надзора. Объединяя в одной дефиниции не равнозначные, разноуровневые понятия и не устанавливая между ними связи и соотношения, законодатель дает основания для понимания прокурорского надзора как всеобъемлющего, распространяющегося на все действия и решения органа расследования, что нельзя признать верным. Не случайно среди правоприменителей сформировалось представление о предмете прокурорского надзора как совокупности процессуальных решений органов предварительного расследования [17].

Полагаем перечисленные элементы нормативного понимания предмета надзора следует рассматривать в контексте критериев, на основании которых можно определить предмет надзора, а именно:

- указание на этапы деятельности органа расследования (разрешение сообщений о преступлениях; проведения расследования), входящие в предмет надзора, следует понимать, как установление пределов прокурорского надзора в досудебном производстве, который распространяется на стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования;
- указание в предмете надзора на решения органов дознания и предварительного следствия означает, что прокурорский надзор осуществляется лишь в отношении решений органов расследования,

оформленных соответствующим образом, и не распространяется на действия органов расследования;

- указание на соблюдение прав и свобод человека и гражданина еще более суживает предмет надзора, оставляя за скобками процессуальные нарушения, права человека не затрагивающие.

Соответственно, определяя вектор прокурорского надзора за деятельностью поднадзорного органа, следует выделять не всю деятельность органа расследования, а лишь ее отдельные фрагменты, в рамках которых выносятся процессуально-значимые решения, затрагивающие конституционные права и свободы человека. Эти фрагменты (части) процессуальной деятельности в своей совокупности и составляют предмет прокурорского надзора в досудебном производстве. Закрепив предмет надзора точно и полно в законодательстве, можно моделировать объем, пределы и содержание надзорных полномочий прокурора.

Схематично предмет надзора прокурора в деятельности органа расследования можно показать следующим образом (Рисунок 2):

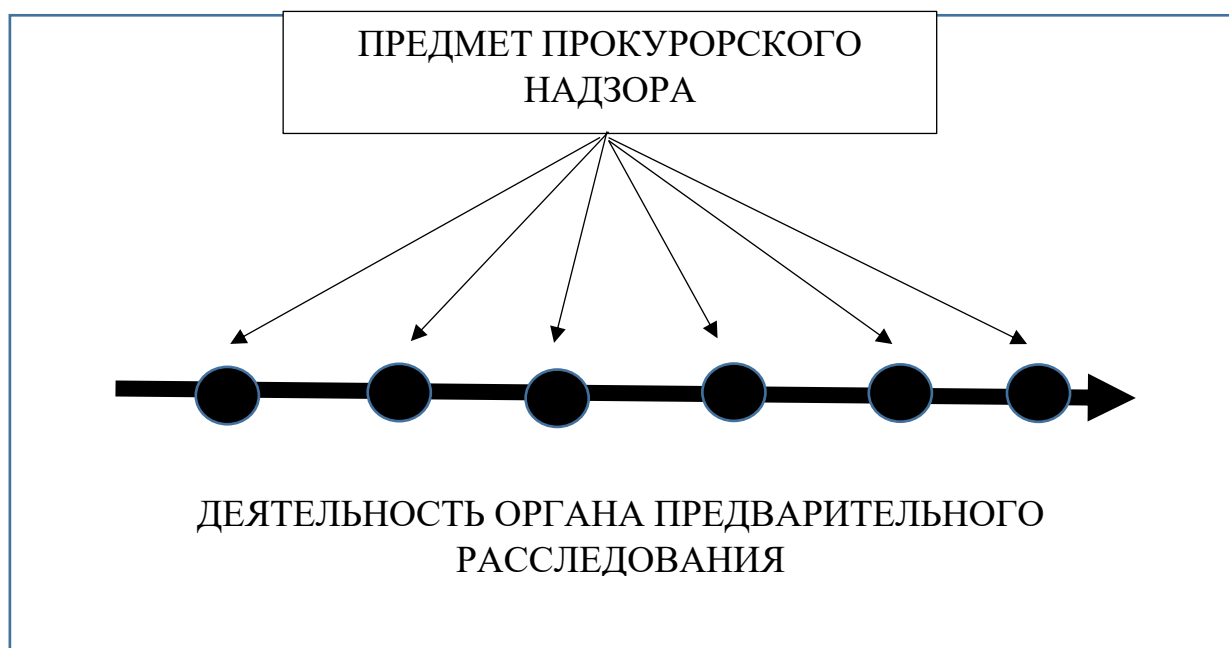

Рисунок 2 - Соотношение прокурорского надзора и предварительного

Органы предварительного расследования осуществляют предварительное расследование по уголовному делу в порядке, установленном УПК РФ. Осуществляя доследственную проверку и предварительное расследование следователь, дознаватель принимают решения, затрагивающие в том числе и конституционные права граждан, такие как:

- на обращения в государственные органы (ст.33 Конституции РФ);
- на охрану человеческого достоинства (ст.21 Конституции РФ);
- на свободу и личную неприкосновенность (ст.22 Конституции РФ);
- на неприкосновенность частной жизни (ст.23 Конституции РФ);
- на неприкосновенность жилища (ст.25 Конституции РФ);
- на помощь защитника (ч.2 ст.48 Конституции РФ);
- и другие права, гарантированные Конституцией РФ.

Задача прокурора – выявить, насколько установленный УПК РФ порядок вынесения процессуального решения, ограничивающего конституционное право гражданина, соблюден органом расследования. Решает эту задачу прокурор, используя указанные в УПК РФ полномочия. К сожалению ФЗ «О прокуратуре РФ» не только не дает ясного понимания предмета прокурорского надзора за органами расследования, но и не обозначает полномочия прокурора, ссылаясь на уголовно-процессуальное законодательство, в котором этот вопрос должен быть разрешен.

В УПК РФ основные положения, закрепляющие полномочия прокурора в досудебном производстве содержатся в ч. 2 ст.37. Чтобы понять, достаточны ли они для прокурорского надзора за исполнением законов органами расследования, применим классификацию, традиционно используемую в уголовно-процессуальной науке, согласно которой выделяется три классификационные группы полномочий прокурора:

- направленные на выявление нарушений;
- обеспечивающие устранение выявленных нарушений;
- направленные на предупреждение нарушений [49].

Очевидно, что только выявлять нарушения недостаточно. Как и в других видах надзора прокурор должен принимать меры как для предупреждения нарушений закона, и для устранения выявленных нарушений, т.е. применять меры прокурорского реагирования. Как правило такие меры реализуется в форме вынесения протеста, представления, предостережения и других актов прокурорского реагирования, обязательных для адресатов.

Рассматривая в системном единстве классификационные особенности полномочий прокурора в досудебном производстве и обозначенные выше критерии, на основании которых определяется предмет прокурорского надзора, можно увидеть закономерности в формировании надзорных полномочий прокурора.

Выявленные закономерности заключаются в следующем:

- основу моделирования надзорных полномочий составляют конституционные права и свободы человека, требующие прокурорского надзора;
- прокурор должен обладать полномочиями знакомиться с процессуальными решениями, с целью их оценки на соответствие действующему законодательству (полномочие прокурора по выявлению нарушения);
- прокурор должен обладать полномочиями предупреждать или устранять нарушения.

Рассмотрим, насколько эти закономерности учитываются в действующем законодательстве на примере отдельных полномочий прокурора, указанных в ч.2 ст.37 УПК РФ.

Обеспечивая надзор за органами расследования, прокурор, согласно п.1 ч.2 ст.37 УПК РФ наделяется полномочиями проверять исполнение требований закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях.

Конституционно-правовую основу полномочий прокурора составляет право граждан на обращения в государственные органы (ст.33 Конституции

РФ). Осуществляя прием, регистрацию и разрешение сообщений о преступлениях, орган расследования выносит делопроизводственные и процессуальные решения, выступающие предметом прокурорского надзора. Установив факт нарушения закона, прокурор составляет требование об устранении выявленных нарушений (п.3 ч.2 ст.37 УПК РФ), которое по своей сути является актом прокурорского реагирования.

При более внимательном изучении видно, что надзор за разрешением сообщения о преступлении в форме отказа в возбуждении уголовного дела не охватывается данным предписанием и представляет самостоятельное полномочие, закрепленное п.5.1 ч.2 ст.37 УПК РФ.

Соответственно, пределы полномочия прокурора на основании п.1 ч.2 ст.37 УПК РФ охватываются периодом деятельности органа расследования от момента получения сообщения о преступлении и до окончания проверки.

Следующее полномочие прокурора – проверка законности отказа в возбуждении уголовного дела.

В соответствии с п.5.1 ч.2 ст.37 УПК РФ прокурор уполномочен «истребовать и проверять законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела».

Предметом надзора выступают решения следственных органов об отказе в возбуждении уголовного дела, которые могут ограничить право граждан на доступ к правосудию (ст.52 Конституции РФ).

Данное полномочие распространяется только на органы предварительного следствия, хотя акт прокурорского реагирования по результатам проведенной проверки выносится как в отношении следователя, так и в отношении дознавателя.

Несмотря на лексические различия в закреплении полномочий прокурора по отношению к разным органам расследования (ч.6 ст.148 УПК РФ), их содержание по сути идентично.

Используя в отношении следователя не такую императивную риторику как в отношении дознавателя, законодатель тем не менее предоставляет прокурору одинаковый объем надзорных полномочий по отмене процессуального решения.

Другая форма разрешения сообщения о преступлениях - решение о возбуждении уголовного дела, в буквальном понимании текста УПК РФ, не является предметом прокурорского надзора. Учитывая, что ч.2 ст.37 УПК РФ данное полномочие не закрепляет, возникает вопрос о его юридической значимости: осуществляется оно в рамках надзора или имеет иную правовую природу?

Прежде всего отметим, что надзорные полномочия прокурора могут закрепляться и вне ч.2 ст.37 УПК РФ, что отмечается в процессуальной литературе. Поэтому отсутствие полномочия в конкретной статье закона нельзя рассматривать в качестве аргумента. А вот предложенный выше алгоритм, раскрывающий последовательность формирования надзорных полномочий прокурора, вполне допустим в таком качестве. Если применить его к рассматриваемому полномочию, то очевидно, что решение о возбуждении уголовного дела, особенно вынесенное в отношении конкретного лица, ограничивает целый ряд конституционных прав и свобод человека.

Именно поэтому проверка прокурором законности возбуждения уголовного дела, нашла свое закрепление в ч.4 ст.146 УПК РФ, как в части полномочий на выявление нарушений закона, так и в части полномочий, направленных на устранение нарушения (прокурор, признав незаконным постановление о возбуждении уголовного дела выносит мотивированное решение о его отмене).

В этой связи хотим остановиться на проблеме, активно обсуждаемой в уголовно-процессуальной науке – предоставление прокурору полномочий на возбуждение уголовных дел[107].

Для нас очевидно, что в действующей правовой парадигме, где прокурор осуществляет надзорную функцию в отношении органа расследования, возбуждающего уголовные дела, ставить вопрос о предоставлении прокурору аналогичных полномочий, ли правильно.

Для возвращения прокурору данного правомочия необходимо концептуально изменить его правовой статус.

Вторая часть полномочий прокурора осуществляется им в стадии предварительного расследования: от возбуждения уголовного дела до вынесения итогового процессуального акта.

Завершение прокурорского надзора мы связываем именно с принятием органом расследования решения о направлении прокурору уголовного дела с обвинительным заключением, актом, постановлением, хотя в теории уголовного процесса высказывались и другие суждения.

Согласно Уставам уголовного судопроизводства (ст.519 УУС), если прокурор принимал решение о предании обвиняемого суду, то этим актом завершались и досудебная стадия уголовного процесса, и прокурорский надзор за процессуальной деятельностью следствия [26].

Как мы полагаем, получив уголовное дело, прокурор оценивает его с позиции поддержания обвинения, он руководствуется достаточностью и допустимостью доказательств, имеющих в уголовном деле.

Следует отметить, что помимо надзорных полномочий в ч. 2 ст.37 УПК РФ содержатся полномочия, которые правильнее относить к обвинительным. Например, п.4 ч.2 ст.37 УПК РФ, позволяющая прокурору «давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий», или другими словами, участвовать в расследовании и руководить им. Такие полномочия по своему содержанию обеспечивают не надзорную, а обвинительную функцию прокурора как участника стороны обвинения.

Относительно надзорных полномочий прокурора, законодатель дифференцированно подошел к их правовому регулированию, ограничив их применение либо дознанием, либо предварительным следствием.

Например, полномочия, закрепленные п.5 ч.2 ст.37 УПК РФ, используются прокурором при согласовании ходатайств дознавателя об избрании меры пресечения и др. Содержание полномочий позволяет отнести их к надзорным, как обеспечивающим проверку процессуальных решений органов расследования, ограничивающих конституционные права граждан на свободу, тайну частной жизни, неприкосновенность жилища и т.д. Но в отличие от следователя, у дознавателя отсутствует возможность оспаривать акты прокурорского реагирования (отказ в согласовании ходатайства), что характерно поднадзорным субъектам. В то же время право на обжалование есть у следователя, который представляет свои возражения на решение прокурора в порядке, установленном УПК РФ. При этом, как справедливо отмечает В.Б.Ястребов, «закон вводит излишне усложнённый механизм обжалования предписаний прокурора, допуская перенос разбирательства даже несложного конфликта на самый высокий уровень» [149], что однозначно требует изменений.

Однозначно надзорными являются полномочия прокурора по проверке законности и обоснованности решений органов расследования: о приостановлении или прекращении производства по уголовному делу, непосредственно затрагивающими конституционное право граждан на доступ к правосудию. При производстве дознания прокурор утверждает постановление о прекращении уголовного дела на основании п.13 ч.2 ст.37 УПК РФ, для остальных постановлений дознавателя и его руководителей действует правило, установленное п.6 ч.2 ст.37 УПК РФ – прокурор уполномочен отменять их незаконные и необоснованные постановления. Для предварительного следствия действует порядок, установленный п.5.1 ч.2 ст.37, ч. 1.1 ст. 211, ч.1 ст.214 УПК РФ, позволяющий прокурору также отменять незаконные и необоснованные постановления о прекращении

уголовного дела или приостановлении производства по уголовному делу, «с изложением конкретных обстоятельств, подлежащих дополнительному расследованию». Полагаем, что данное правило следует распространить на все органы расследования.

Следующее полномочие, обозначенное п.8 ч.2 ст.37 УПК РФ, предусматривает участие прокурора в судебных заседаниях в ходе досудебного производства по ходатайствам следственных органов. Правовая природа данного полномочия противоречива. С одной стороны, исходя из предмета судебного рассмотрения (применение мер пресечения, обжалование) речь идет о конституционных правах и свободах человека, охрана которых составляет предмет надзора; но с другой стороны, учитывая изменения в статусе прокурора – потерю властного статуса, и характер возникающих в судебном заседании отношений, очевидно, что данные полномочия не являются государственно-властными, а, следовательно, и надзорными. Нельзя их отнести и к другой функции прокурора – уголовному преследованию, т.к. судебные заседания не связаны с рассмотрением уголовно-правового спора. Решением этого противоречия может стать возложение на органы следствия обязанности согласовывать с прокурором свои ходатайства по вопросам применения мер пресечения или производства следственных действий, требующих получения судебного решения. Полученное согласие освободит прокурора от участия в судебном заседании с целью доведения до суда своей позиции, а отказ в согласовании – не позволит органу расследования обращаться в суд.

Выявленная неопределенность – результат противоречивого правового регулирования полномочий прокурора в досудебном производстве по отношению к различным органам предварительного расследования. Освобождая следственные органы от обязанности согласовывать с прокурором свои ходатайства об ограничении конституционных прав граждан, и наоборот, поддерживая руководящую роль прокурора при производстве дознания, законодатель нивелирует значимость прокурорского

надзора. Двойственность в правовом оформлении правосубъектности прокурора несомненно должна быть устранена. Мы согласны с авторами, полагающими что надзор прокурора за следователями и дознавателями не должен принципиально отличаться. Остается ответить на вопрос: какой способ совершенствования законодательства следует избрать – расширить перечень субъектов, обладающих правом оспаривать решения прокурора, либо наоборот, взяв за основу координирующую роль прокурора в правоохранительной деятельности (ст.1 ФЗ «О прокуратуре РФ»), закрепить обязательность актов прокурорского реагирования для всех органов расследования?

По нашему мнению – правильным является второй вариант. В отличие от других видов надзора, специфичность прокурорской деятельности в уголовно-процессуальной сфере, обусловлена не только характером и содержанием отношений, возникающих с органами расследования как поднадзорными субъектами, но и наличием у прокурора еще одного направления деятельности - осуществление уголовного преследования (обвинения), что предполагает определенную преемственность в целях и задачах прокурорской деятельности. Осуществляя надзор в досудебном производстве и проверяя решения органов расследования на их соответствие Конституции и УПК РФ, прокурор одновременно решает еще одну глобальную задачу – контролирует процесс формирования будущего обвинения, основными участниками которого в досудебном производстве являются органы предварительного расследования.

Взяв во внимание, что результаты деятельности органов расследования, в том числе используемые для формирования государственного обвинения, получает прокурор, именно за ним в отношениях с органами расследования и должно оставаться последнее слово по вопросам, составляющим предмет прокурорской деятельности. Сказанное означает, что, решая проблему двойственности должностной правосубъектности прокурора в отношениях с органами предварительного расследования, следует исходить из его

координирующей роли в деятельности правоохранительных органов и обязательности указаний прокурора по вопросам, составляющим предмет прокурорского надзора и предмет государственного обвинения для всех органов предварительного расследования. Неурегулированность функций прокурора, как отмечает В.А.Лазарева, приводит к серьезным последствиям: «Недостатки предварительного следствия и дознания, препятствующие эффективному доказыванию обвинения в суде, свидетельствуют о серьезных проблемах, существующих в сфере прокурорского надзора за расследованием» [77].

Возвращаясь к ч.2 ст.37 УПК РФ, остановимся на пунктах 9-12, в которых устанавливаются полномочия прокурора разрешать отводы дознавателя, отстранять его от расследования, изымать у него уголовные дела и передавать следователю, а также другие формы передачи уголовных дел и материалов проверки. Хотя обозначенные полномочия и реализуются в досудебном производстве прокурором на основе своей должностной правосубъектности, полагаем что считать их надзорными нет оснований ввиду явной организационно-технической направленности решений прокурора.

Представляет интерес полномочие прокурора, указанное в п.3 ч.2 ст.37 УПК РФ, в части дознания и предварительного следствия, а именно: «требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных при ...производстве дознания или предварительного следствия». Указанная редакция не дает понимания предмета надзора: идет ли речь о каких-то иных процессуальных решениях, кроме обозначенных в данной статье УПК РФ, либо прокурорский надзор распространяется также на действия органов расследования, нарушающих права и свободы участников судопроизводства? Полагаем, что такой формулировкой на прокурора возлагается обязанность обеспечивать специфический превентивный надзор за деятельностью органов дознания и предварительного следствия. Оригинальность используемого законодателем подхода в данном случае заключается в том, что в соответствии с общими

теоретическими подходами, деятельность в сфере надзора (в отличии от соответствующей контрольной деятельности) обычно носит не предварительный, а последующий характер. Основная проблема здесь – отсутствие мер прокурорского реагирования для данного вида надзора. Упоминание в тексте закона на возможность прокурора «требовать устранения нарушений» не формирует механизма реализации им полномочия.

Следует отметить, что уголовно-процессуальной науке данная проблема известна. Более того, отмечается, что «действующее законодательство характеризуется как нормативной неурегулированностью понятий и видов правовых средств, применяемых прокурором при осуществлении надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, так и отсутствием четкой системы актов прокурорского реагирования, используемых в уголовном судопроизводстве» [50].

Осталось без анализа последнее полномочие, указанное в п.6 ч.2 ст.37 УПК РФ, позволяющее вышестоящему прокурору отменять незаконные и необоснованные постановления нижестоящего прокурора. Однако это полномочие нельзя отнести ни к надзорной, ни к обвинительной функции прокурора потому, что его носителем является не прокурор как руководитель органа прокуратуры, а вышестоящий прокурор, указания которого обязательны для всех нижестоящих прокуроров на основании ФЗ «О прокуратуре РФ».

Помимо рассмотренных предписаний, закрепляющих надзорные полномочия прокурора, часть вторая ст.37 УПК РФ закрепляет еще ряд полномочий, которые хотя и реализуются в досудебном производстве, имеют иную функциональную направленность. Например, пункт 2, позволяющий прокурору инициировать вынесение органом расследования решения о возбуждении уголовного дела; пункт 5.2, определяющий полномочия прокурора по заключению досудебного соглашения о сотрудничестве и объеме обвинения; пункты 8.1, 14 и 15 закрепляющие полномочия прокурора на этапе утверждения итоговых актов предварительного расследования. Все

указанные полномочия по своему функциональному назначению тяготеют к обвинительной функции прокурора, т.к. позволяют прокурору быть причастным к формированию государственного обвинения уже на стадии предварительного расследования. Поэтому данные полномочия прокурора будут рассмотрены в следующем параграфе.

Следует отметить, что принадлежность полномочий к той или иной функции имеет принципиальный характер, т.к. каждое полномочие преследует достижение определенной функциональной цели. Поэтому не можем согласиться с А.А. Тушевым, что «одни и те же полномочия могут обеспечивать реализацию одновременно нескольких функций» [127, 11-12].

На основании проведенного анализа составлена таблица 1, систематизирующая надзорные полномочия прокурора в досудебном производстве и раскрывающая их связь с предметом надзора и решениями органов предварительного расследования.

Таким образом, представленную в УПК РФ детализацию надзорных полномочий прокурора за деятельностью органов предварительного расследования трудно назвать удачной. Очевидно, что, обеспечивая надзор прокурор выступает не на стороне обвинения, а на основе своей должностной правосубъектности осуществляет самостоятельную функцию, возложенную на него Конституцией и федеральным законом.

Таблица 1. Надзорные полномочия прокурора в досудебном производстве

Предмет надзора	Решение органа расследования	Полномочия прокурора по надзору	Меры прокурорского реагирования
Возбуждение уголовного дела			
Право гражданина на обращение в гос. органы	Прием и регистрация сообщения, продление сроков рассмотрения	Проверять законность приема, регистрации и разрешения сообщений (п.1 ч.2 ст.37)	Требование об устранении выявленных нарушений (п.3 ч.2 ст.37)
Право на доступ к правосудию	Постановление органа расследования об отказе в ВУД	Проверять законность отказа в возбуждении УД (п.5.1 ч.2 ст.37)	Принимает решение в соответствии с УПК РФ (п.5.1 ч.2 ст.37). Отменяет постановление и возвращает в орган расследования (ч.6 ст.148)
Комплекс прав и свобод	Постановление органа расследования о ВУД	Проверка законности ВУД (ч.4 ст.146)	Выносит постановление об отмене (ч.4 ст.146)
Предварительное расследование			
Комплекс прав и свобод	Превентивный характер надзора	Проверять законность производства дознания или предварительного следствия	Требование об устранении выявленных нарушений (п.3 ч.2 ст.37)
Право на доступ к правосудию	Постановление органа расследования о приостановлении или прекращении уголовного дела	Проверять законность приостановлении или прекращении УД: для дознавателя (п.п. 6 и.13 ч.2 ст.37); для следователя (п.5.1 ч.2 ст.37; ч.1.1 ст.211; ч.1 ст.214)	Принимает решение в соответствии с УПК РФ (п.5.1 ч.2 ст.37). Отменяет постановление и возвращает в орган расследования (ч.6 ст.148)
Право на неприкосновенность	Ходатайство о применении меры пресечения	Только для дознания: дает согласие (п.5 ч.2 ст.37)	Обязательность согласования прокурором (п.5 ч.2 ст.37)
Право на частную жизнь, жилище и т.д.	Ходатайство о производстве СД по судебному решению	Только для дознания: дает согласие (п.5 ч.2 ст.37)	Обязательность согласования прокурором (п.5 ч.2 ст.37)

Позиционирование прокурора, исполняющего надзорные полномочия, как участника стороны обвинения дискредитирует его истинное предназначение как государственного органа, осуществляющего надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением федерального законодательства в интересах человека, общества и государства во всех сферах общественной жизни.

В целях совершенствования уголовно-процессуального законодательства в части детализации надзорной функции за деятельностью органов предварительного расследования, предусмотренной ст.ст.29 и 30 ФЗ «О прокуратуре РФ», предлагаем исключить из ст.37 УПК РФ указание на осуществление прокурором надзора и соответствующие этой функции полномочия, и одновременно ввести в Раздел VI главу 18.1 УПК РФ «Полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве», включив в нее следующие статьи:

«Статья 139.1 Предмет надзора за деятельностью органов предварительного расследования

Предмет надзора прокурора за деятельностью органов предварительного расследования составляют решения органов расследования, вынесенные в ходе досудебного производства:

- 1) об отказе в приеме и/или регистрации сообщения о преступлении;
- 2) о продлении сроков рассмотрения сообщения о преступлении;
- 3) об отказе в возбуждении уголовного дела;
- 4) о возбуждении уголовного дела;
- 5) о приостановлении производства по уголовному делу;
- 6) о прекращении производства по уголовному делу или уголовному преследованию.

В ходе производства предварительного расследования прокурор уполномочен проверять законность действий органов предварительного расследования, если они могут привести к нарушению конституционных прав и свобод участников судопроизводства».

«Статья 139.2 Полномочия прокурора по надзору за деятельностью органов предварительного расследования

При осуществлении надзора за деятельностью органов предварительного расследования прокурор уполномочен:

- 1) запрашивать материалы проверки и/или уголовного дела по предмету надзора;
- 2) выносить требования об устранении выявленных нарушений;
- 3) отменять постановление о возбуждении уголовного дела;
- 4) отменять постановление об отказе в возбуждении уголовного дела с указанием обстоятельств, подлежащих дополнительному исследованию;
- 5) отменять постановление о приостановлении производства по уголовному делу с указанием обстоятельств, подлежащих дополнительному исследованию;
- б) отменять постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, с указанием обстоятельств, подлежащих дополнительному исследованию.

В ходе производства предварительного расследования прокурор согласовывает ходатайства органов расследования о применении мер пресечения и совершении процессуальных действий, для производства которых необходимо судебное решение. Отказ прокурора в согласовании препятствует обращению органа расследования в суд.

Решения прокурора, вынесенные в пределах его компетенции обязательны для исполнения органом предварительного расследования, но могут быть обжалованы вышестоящему прокурору, решение которого окончательно».

2.3 Полномочия прокурора по осуществлению уголовного преследования (обвинения)

Правовая (уголовно-процессуальная) дефиниция и доктринальная категория уголовное преследование не имеет ясного и четкого проявления: границы и пределы уголовного преследования не обозначены; различия в реализации функции публичными и частными субъектами отсутствуют. Неурегулированность одной из основных категорий уголовно-процессуального права, неопределенность субъектов, осуществляющих уголовное преследование приводят к суждениям, что уголовное преследование – «это суррогатное словообразование, нелепо отображающее всем известную и всеми отвергнутую функцию расследования» [15], а деятельность прокурора в уголовном процессе связана с выполнением только одной функции – прокурорского надзора [106]. Не разделяя последние высказывания, мы присоединяемся к авторам [53], обосновывающим самостоятельность каждой из возложенных на прокурора функций – уголовного преследования и надзора. Рассмотрим функцию по осуществлению уголовного преследования в разрезе осуществляемых прокурором полномочий в досудебном и судебном производстве.

Как указано в этом отношении в Определении Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2011 года № 1627-О-О «следователь, дознаватель, прокурор осуществляют от имени государства единую функцию уголовного преследования, хотя и реализуемую различными процессуальными действиями и на разных стадиях уголовного процесса». Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 29 июня 2004 года № 13-П, «прокурор, а также следователь, дознаватель и иные должностные лица, выступающие на стороне обвинения, осуществляя от имени государства уголовное преследование по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения, должны подчиняться установленному Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации порядку

уголовного судопроизводства (часть вторая статьи 1), следуя назначению и принципам уголовного судопроизводства, закрепленным данным Кодексом: они обязаны всеми имеющимися в их распоряжении средствами обеспечить охрану прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, исходить в своей профессиональной деятельности из презумпции невиновности, обеспечивать подозреваемому и обвиняемому право на защиту, принимать решения в соответствии с требованиями законности, обоснованности и мотивированности (статьи 7, 11, 14 и 16)». В Определении Конституционного Суда РФ от 30 января 2024 года № 201-О было отмечено, что «на досудебной стадии уголовного процесса осуществление уголовного преследования выражается в принятии уполномоченными органами процессуальных мер, обеспечивающих своевременное и обоснованное привлечение в качестве обвиняемых лиц, в отношении которых собраны свидетельствующие о совершении ими преступления доказательства, в утверждении обвинительного заключения прокурором и направлении дела в суд. Участие прокурора в судебной стадии уголовного процесса заключается в поддержании от имени государства обвинения по уголовному делу».

Значительная часть ученых, посвятивших свои исследования изучению роли прокурора в осуществлении уголовного преследования, ограничивают сферу его деятельности в этом направлении поддержанием государственного обвинения [27]. Соответствующими исследователями защищается не бесспорный тезис, в соответствии с которым осуществление прокурором уголовного преследования полностью будет тождественно его участию в обеспечении поддержания государственного обвинения и может быть реализовано исключительно в судебном производстве.

Такая позиция не безосновательна. Из всех действий и решений, перечисленных в статье 37 УПК, определяющей полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве, к уголовному преследованию бесспорно можно отнести поддержание государственного обвинения в суде (ч.3) и отказ от

уголовного преследования (ч.4), который также допускается в судебных стадиях.

Весьма спорным является вопрос относительно полномочий, присущих должностному лицу прокуратуры на стадии досудебного производстве. Дискуссии, относительно соответствующего предположения являются весьма противоречивыми, часто наблюдается полное отрицание наличия у прокурора какой-либо самостоятельной функции на стадии досудебного производства в отношении осуществления уголовного преследования [109], до их признания и необходимости расширения за счет предоставления прокурору возможности возбуждать уголовные дела, участвовать в предъявлении обвинения [142] и производстве следственных действий [53] и т.д.. Мы полагаем, что более убедительны авторы, признающие самостоятельность и уникальность уголовного преследования прокурора в досудебном производстве.

Осуществление прокурором данной функции в досудебном производстве имеет место быть потому, что именно в этой части уголовного процесса формируется официальное государственное обвинение и прокурор «продолжает играть основную роль в решении вопроса о продолжении уголовного преследования при утверждении обвинительных заключения, акта, постановления» [52]. Но часто выдвигающиеся наукой предложения о расширении полномочий прокурора в рамках возбуждения уголовного дела должны оцениваться как очень и очень дискуссионные.

В целом обозначенные вопросы должны изучаться и разрешаться системно, с учетом исторических традиций российского законодательства и на основе научно-обоснованной стратегии развития уголовного процесса.

Прежде чем приступим к определению полномочий прокурора по уголовному преследованию в досудебном производстве, отметим, что наличие указанных полномочий в действующем правовом регулировании не обязывает его приобретать дополнительный процессуальный статус.

Как и при осуществлении надзорных полномочий, прокурор, утверждающий обвинительное заключение действует на основании своей должностной

правосубъектности, установленной ст. ст. 29 и 30 Федерального закона о прокуратуре РФ.

Поэтому круг должностных лиц органов прокуратуры, уполномоченных на осуществление уголовного преследования в досудебном производстве, не подлежит расширительному толкованию, а определяется исходя из ч.5 ст. 37 УПК РФ. Поэтому в данном параграфе мы рассматриваем полномочия прокурора исключительно как руководителя органа прокуратуры.

В осуществляемом прокурором уголовном преследовании (обвинении (здесь и далее термины «уголовное преследование» и «обвинение» мы рассматриваем в качестве тождественных)) отчетливо выделяется три хронологических периода, различающихся между собой по степени активности прокурора и объему осуществляемых им полномочий, составляющих содержание функции обвинения, а именно:

- досудебное производство;
- судебное разбирательство;
- производство по пересмотру судебных решения.

Досудебное производство. Выделение первого этапа обусловлено участием прокурора в формировании государственного обвинения как предмета будущего судебного разбирательства..

В стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования участие прокурора имеет эпизодический, фрагментарный характер, т.к. зависит от возникновения определенных обстоятельств.

Обеспечивая надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением федерального законодательства, прокурор эпизодически сталкивается с необходимостью инициирования уголовного преследования, в связи с чем использует полномочие, обозначенное п.2 ч.2 ст.37 УПК РФ, предусматривающее вынесение мотивированного постановления о направлении материалов проверки в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных нарушений уголовного законодательства.

Хотя прокурор не обладает, и не должен обладать полномочиями по возбуждению уголовного дела, тем не менее данное полномочие нельзя рассматривать в рамках надзора за органами расследования, как утверждают отдельные авторы [114], так как цели, к которым стремится прокурор не связаны с установлением законности исполнения законодательства органами расследования.

Составляя указанное постановление, прокурор реализует себя как субъект, преследующий прежде всего обвинительные цели, чтобы лицо, совершившее преступление не избежало ответственности. Интересен еще один момент: прокурор составляет мотивированное постановление по фактам нарушений, выявленных при осуществлении им отраслевых видов надзора, возложенных на него законом о прокуратуре и не связанных с уголовно-процессуальной деятельностью.

К аналогичным выводам, позволившим рассматривать в структуре функции уголовного преследования полномочия прокурора, предусмотренные п.2 ч.2 ст.37 УПК РФ, пришли и другие ученые [29], [112].

Вместе с тем, правовая значимость данных полномочий, трансформировавшаяся в самостоятельный повод для возбуждения уголовного дела (п.4 ч.1 ст.140 УПК РФ) не должна обязывать органы расследования к возбуждению уголовных дел без дополнительной проверки, о чем пишет С.В. Клещев [60], у органа расследования значительно больше проверочных средств для установления обстоятельств, обуславливающих необходимость возбуждения уголовного дела и начала уголовного преследования; отказ органа расследования в возбуждении уголовного дела по «прокурорскому» поводу, как и по остальным поводам, может быть отменен прокурором, но уже в рамках осуществления надзора.

Другим, не менее значимым обстоятельством, требующим участия прокурора в досудебном производстве как участника, представляющего сторону обвинения, является заявленное обвиняемым ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

В соответствии с п.5.2 ч.2 ст.37 УПК РФ можно прийти к выводу, что соответствующие полномочия реализуются прокурором в период осуществления им надзорных полномочий за деятельностью органа расследования, в связи с чем могут рассматриваться в качестве надзорных полномочий.

Однако нацеленность прокурора, заключающего соглашение, на расширение уголовного преследования за счет возбуждения новых уголовных дел либо привлечения новых обвиняемых, свидетельствует об обвинительном характере деятельности прокурора.

Рассматривая предыдущее полномочие, мы показали, что надзорная деятельность может выступать основанием, причиной для осуществления прокурором отдельных действий обвинительной направленности. Данное правило распространяется в том числе на надзор, осуществляемый в отношении органов расследования.

Такая взаимообусловленность никоим образом не означает, что функции прокурора не имеют самостоятельного значения: «каждая из этих функций имеет свои цели, задачи, содержание и предмет правового регулирования» [19], с чем мы безусловно согласны и обосновываем в диссертационном исследовании.

Вывод об обвинительной направленности деятельности прокурора в реализации рассматриваемого полномочия подтверждается и Приказом Генерального прокурора РФ, регламентирующим организацию работ по заключению досудебных соглашений и определяющий значимость этой деятельности в правоприменительной практике, в рамках «прокурорского надзора, а также повышения эффективности борьбы с преступностью, особенно ее организованными формами» [101]. Обозначенная в Приказе «борьба с преступностью», в силу специфики уголовно-процессуальной деятельности трансформируется в функцию уголовного преследования, которую прокурор осуществляет в том числе посредством заключения с обвиняемым соглашения о сотрудничестве. Подписывая соглашение,

прокурор мотивирует обвиняемого сотрудничать с органами предварительного следствия, содействовать раскрытию новых преступлений и изобличать других соучастников. В озложение на прокурора полномочия по заключению досудебного соглашения подтверждает его активную роль в осуществлении уголовного преследования.

Это обстоятельство не позволяет нам поддержать мнение Е.А.Буглаевой, предлагающей наделить полномочиями по составлению досудебного соглашения следователя на том основании, что «следователь как организатор производства по уголовному делу обладает полной информацией по нему» [23, с. 10], оставив при этом прокурору лишь право на утверждение соглашения. Напомним, что закреплением данного института в УПК РФ ФЗ № 141-ФЗ от 29.06.2009 г., ставились цели уголовно-правовой направленности, а именно возможность изменения условий ответственности и меры будущего уголовного наказания виновного субъекта, зависящие от его действий. Указание на досудебный характер соглашения означает лишь, что целесообразность его заключения существует в стадии предварительного расследования, как раз тогда, когда следователь не обладает «полной информацией». При этом значимость заключенного соглашения и полнота его исполнения проявляются в судебных стадиях, существенно влияя на вид, объем и содержание назначаемого наказания. Учитывая, что именно прокурор отвечает за поддержание государственного обвинения в судебном производстве возложение на него рассматриваемых полномочий оправданно и понятно.

В-третьих, утверждение итогового процессуального акта, часто выступающее в качестве окончательного или даже единственного проявления деятельности прокурора на досудебной стадии. Речь в данном случае идет об утверждении этим субъектом обвинительного заключения, акта и постановления по итогам проведенного предварительного расследования.

Помимо узкофункциональных подходов, в уголовно-процессуальной науке высказана компромиссная позиция «о биполярности процессуальных

функций прокурора» при осуществлении им полномочий по утверждению обвинительного заключения, акта, постановления, т.е. указанные полномочия прокурора, как считают авторы, одновременно «следует относить к реализации надзорной функции прокурора и функции уголовного преследования» [29]. В качестве возражения заметим, действительно в досудебном производстве прокурор одновременно осуществляет две функции и суждение о биполярности (двуполярности) функций справедливо, но только в рамках всего досудебного производства. Однако, когда исследуется отдельное полномочие прокурора, то принадлежность его к нескольким функциям непонятна и алогична, т.к. каждая функция, как направление деятельности по заданному вектору, представлена в законодательстве совокупностью определенных полномочий прокурора, закрепленных законом, каждое из которых уникально, имеет собственное содержание и направлено на получение результата, соответствующего функциональной цели. Признание полномочия биполярным означает, что полномочие не предусматривает конкретного результата, а у субъекта, реализующего данное полномочие отсутствуют цели деятельности.

Содержание полномочия зависит от формы предварительного расследования – предварительного следствия или дознания. Полномочия прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением (глава 31 УПК РФ) достаточно обширны: прокурор не только анализирует материалы уголовного дела на предмет законности проведенного следствия и достаточности имеющихся в деле доказательств для обоснования вины обвиняемого перед судом, но и решает вопросы по мере пресечения. Несколько шире полномочия прокурора при рассмотрении итогового акта дознавателя – обвинительного акта или постановления: он может переквалифицировать обвинение, прекратить рассмотрение соответствующего уголовного дела либо направить его для производства предварительного следствия.

Представляет интерес анализ полномочий прокурора, связанных с возвращением уголовного дела для дополнительного расследования. Отдельно в данном случае следует упомянуть также возможность прокурора вернуть дело для пересоставления обвинительного заключения, акта или постановления. Прокурор возвращает уголовное дело уполномоченному должностному лицу для устранения замечаний.

Право следователя и дознавателя не согласиться с решением прокурора и принести вышестоящему прокурору возражения на замечания надзирающего прокурора также логически обосновано, т.к. с одной стороны, учитывается так называемый «человеческий фактор» (возможность ошибки), а с другой, создаются условия для прокурора, посредством ознакомления с возражениями органа расследования, еще глубже ознакомиться с материалами уголовного дела и результатами проведенного расследования. Вызывают возражения предписания, позволяющие следователю обжаловать несогласие вышестоящего прокурора Генеральному прокурору РФ. Полагаем, что для всех органов расследования должен быть установлен единый порядок обжалования указаний прокурора только вышестоящему прокурору, решение которого обязательно как для надзирающего прокурора, так и для органа расследования.

В-четвертых: судебное разбирательство. Следующий период в осуществлении прокурором уголовного преследования принципиально отличается от предыдущего, как по границам, охватывающим судебное разбирательство и апелляционное производство, так и по содержанию. На этом этапе обвинительная деятельность реализуется гласно, целенаправленно и в полном объеме, при этом прокурор как руководитель органа прокуратуры, на которого Конституцией РФ возложена функция уголовного преследования, обладает исключительными полномочиями по осуществлению обвинения, что позволяет ему в рамках должностной правосубъектности участвовать во всех уголовно-процессуальных отношениях при рассмотрении любых уголовных дел. Государственный обвинитель принимает активное участие в

исследовании доказательств на судебном заседании, задает вопросы свидетелям, экспертов, а также другим участникам процесса.

Подача процессуальных ходатайств. Государственный обвинитель имеет право заявлять ходатайства о назначении экспертиз, об истребовании дополнительных доказательств, о проведении процессуальных действий.

Вместе с тем, использование законодателем в УПК РФ, в части 3 «Судебное производство» термина «прокурор», не аналогично пониманию этого субъекта в предыдущих стадиях. Если в досудебном производстве значение термина «прокурор» определялось на основании ч.5 ст.37 УПК РФ – как руководителя органа прокуратуры, то в судебном производстве «прокурор» понимается преимущественно в соответствии с п.31 ст.5 УПК РФ – как должностное лицо органа прокуратуры. Объясняется это тем, что уголовных дел, по которым необходимо поддерживать государственное обвинение значительно больше, чем фактической возможности прокурора осуществлять уголовное преследование. Именно этим как мы полагаем, и объясняется расширительное толкование «прокурора» в п.31 ст.5 УПК РФ, и его изменение ФЗ № 92-ФЗ от 04.07.2003 г. в части включения в это понятие всех должностных лиц органов прокуратуры, участвующих в уголовном судопроизводстве в статусе государственного обвинителя.

Если для стадии судебного разбирательства проблема двойственности статуса прокурора не так значима, то для процессуальных отношений с участием прокурора, возникающих в судебном производстве за рамками судебного разбирательства, эта проблема выходит на первый план. Допуская двойственность в правовом регулировании статуса прокурора, законодатель игнорирует различия между узким и широким пониманием данного субъекта и обозначает прокурора как участника судебного производства, не объясняя его должностную принадлежность. И если в одних ситуациях не сложно понять о каком прокуроре идет речь, например, ч.4 ст.227 УПК РФ, предписывающая направлять копию судебного постановления прокурору как руководителю, то в других случаях требуются пояснения. Например,

указанное в ч.6 ст.246 УПК РФ «Участие обвинителя», полномочие прокурора предъявлять или поддерживать предъявленный по уголовному делу иск, не имеет указания на конкретного адресата: судя по наименованию статьи речь идет о государственном обвинителе, однако если ориентироваться на ч.3 ст.44 УПК РФ – о прокуроре.

Особенно нелогично, когда законодатель в одном предложении использует термин «прокурор» одновременно в двух смыслах, например, в ч.2 ст.228 УПК РФ: «Вопрос об избрании меры пресечения... рассматривается в судебном заседании судьей по ходатайству прокурора..., с участием ...прокурора». В первом упоминании речь идет о прокуроре как руководителе органа прокуратуры, обратившемся в суд с ходатайством; во втором – о должностном лице органа прокуратуры, принимающем участие в судебном заседании. Очевидно, что статус должностных лиц – должностной и процессуальный, не одинаков, и эти различия должны получить законодательное оформление.

Не вызывает сомнений, что должностная правосубъектность прокурора позволяет ему участвовать в уголовно-процессуальных отношениях, в том числе в судебном производстве, так как она основана на положениях Конституции РФ, Федерального закона о прокуратуре и ст.37 УПК РФ, детализирующей эти предписания. А вот положение должностных лиц органов прокуратуры, действующих по поручению прокурора в судебных заседаниях, не связанных с поддержанием государственного обвинения, остается не ясным: их процессуальный статус не обозначен; полномочия, которыми они наделяются не понятны; сфера их деятельности не определена. Более определенным является процессуальный статус государственного обвинителя как участника судебного разбирательства, действующего также по поручению прокурора, но в судебном рассмотрении уголовного дела. Хотя прокурор может выступать в статусе государственного обвинителя, в правоприменительной деятельности наибольшее использование получил вариант делегирования обвинительных полномочий подчиненному

сотруднику – должностному лицу органа прокуратуры, который для участия в судебном разбирательстве приобретает процессуальный статус государственного обвинителя.

Итак, прокурор как руководитель органа прокуратуры не участвует непосредственно в судебном разбирательстве, а делегирует свои полномочия подчиненному сотруднику, который, будучи в связи с таким делегированием наделенным процессуальным статусом государственного обвинителя, поддерживает государственное обвинение. Считаем, что именно в связи с наличием соответствующего подхода, роль прокурора в судебных стадиях не нашла своего закрепления в действующем уголовно-процессуальном законодательстве. Восполняет данный пробел ведомственный акт прокуратуры – Приказ Генерального прокурора РФ № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» [97]. В соответствии с обозначенным приказом прокурор осуществляет ряд полномочий, имеющих процессуальный характер, а именно:

- назначает государственного обвинителя;
- формирует группу государственных обвинителей с определением руководителя группы;
- дает письменные поручения о поддержании государственного обвинения;
- согласовывает отказ государственного обвинителя от обвинения или его изменение, либо поддерживает государственное обвинение по утверждённому им обвинительному заключению, акту, постановлению;
- приносит апелляционное представление, если оно не принесено государственным обвинителем.

Полагаем, что указанные полномочия прокурора должны получить законодательное закрепление, особенно в части предписаний, регламентирующих порядок получения должностными лицами органов прокуратуры процессуальных статусов. Учитывая, что данная глава диссертации посвящена полномочиям прокурора в уголовном процессе,

процессуальные статусы других должностных лиц органов прокуратуры, будут детально рассмотрены в следующей главе.

Несмотря на допускаемое отождествление узкого и широкого понимания термина «прокурор», УПК РФ закрепляет ряд полномочий в судебном производстве, относящихся исключительно к прокурору как руководителю органа прокуратуры. Сюда относятся:

- право на апелляционное обжалование судебного решения (ч.1 ст.389.1);
- обязательность указаний апелляционного суда для прокурора (ч.3 ст.389.19).

Относительно участия прокурора в апелляционной инстанции, полагаем что в п.1 ч.1 см. 389.12 УПК РФ, закрепляющем «обязательное участие государственного обвинителя и (или) прокурора», речь идет о должностных лицах органов прокуратуры, которые по поручению прокурора поддерживают обвинение в судах апелляционных инстанций выше районного уровня. Именно так разъясняется альтернатива «государственный обвинитель и (или) прокурор» пунктом 10 вышеназванного приказа Генерального прокурора: в районных судах в апелляционном производстве участвуют государственные обвинители; во всех остальных судах апелляционных инстанций обвинение поддерживают прокуроры структурных подразделений, обеспечивающих рассмотрение уголовных дел судами прокуратур субъектов РФ, соответствующих военных прокуратур, а также прокуроры Главного уголовно-судебного управления Генеральной прокуратуры РФ. Однако за прокурором как руководителем органа прокуратуры остаются все полномочия, которыми он обладает в отношении государственных обвинителей.

Производство по пересмотру судебных решений. Третий этап прокурорского уголовного преследования начинается после вступления судебного решения в законную силу и охватывает производства по их пересмотру: кассацию и надзор. Определить роль и функцию прокурора на

этапе, когда судебное решение становится обязательным для всех, достаточно сложно.

Полагаем нет оснований говорить о продолжении прокурором уголовного преследования на этих стадиях[124], т.к. вопрос о виновности лица решен приговором суда, который вступил в законную силу и начал исполняться. Даже в тех случаях, когда прокурор ставит вопрос об ухудшении положения осужденного или оправданного, основная цель стадии пересмотра судебных решений - устранение допущенных нарушений в предшествующих судебных инстанциях. Возобновить или начать уголовное преследование лица, незаконно избежавшего уголовной ответственности, прокурор сможет только в случае возвращения судом уголовного дела на соответствующую стадию. В качестве аргументов, подтверждающих данный тезис, сошлемся на положения УПК РФ, закрепляющие пределы прав суда кассационной (ст.401.16) и надзорной (ст.412.12) инстанций, и основания отмены или изменения судебных решений при рассмотрении уголовного дела в кассационном (ст.401.15) или надзорном (ст.412.9) порядке.

Исключая уголовное преследование как цель прокурора в кассации и надзоре, не можем также согласиться с мнением о том, что, участвуя в судебных проверочных стадиях прокурор осуществляет исключительно «надзор за соблюдением законности» [126, с. 128], хотя данный тезис поддерживается и развивается многими учеными. Так И.С. Дикарев исходя из предмета проверки в судах кассационной и надзорной инстанции, делает вывод об осуществлении прокурором на этих стадиях надзорной функции и сетует, что предлагаемый подход «не вполне вписывается в нормативную дефиницию прокурора как участника уголовного процесса», осуществляющего надзор «только за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия». При этом автор соглашается, что «выполнение прокурором надзорной функции ни в коем случае не ставит прокурора над судом, поскольку прокурор осуществляет ее лишь теми средствами, которыми он обладает как одна из сторон процесса»

[47]. Как мы полагаем основная проблема данной концепции не в том, что отсутствует нормативное признание надзора как функции прокурора в судебных стадиях, а в том, что положение прокурора в отношениях с судом и другими участниками судебного заседания не является доминирующим, что предполагает статус надзирающего субъекта.

В условиях, когда у прокурора нет государственно-властных полномочий, его указания не обязательны для поднадзорных, да и в целом в судебных заседаниях кассационного или надзорного судов нет поднадзорных, а есть равноправные участники судопроизводства, разве можно считать такие полномочия надзорными? Полагаем, что нет. В этом и заключается основная причина, почему осуществляемые прокурором полномочия нельзя рассматривать в рамках надзора.

Нельзя взять за основу и представленную в науке уголовного процесса второй половины XX века концепцию, обосновывающую возложение на прокурора в судебных контрольных стадиях двух обозначенных функций – уголовного преследования и надзора[93]. Если в советском уголовном процессе, допускающем доминирование прокурорского надзора над судами, такой подход считался приемлемым, то в современных реалиях он вступает в противоречие с действующим законодательством и однозначно нами отвергается.

Итак, установленные в ч.1 ст.37 УПК РФ функции прокурора ни по отдельности, ни в совокупности, не приемлемы для определения его статуса в контрольных судебных стадиях. Вместе с тем, отдельные полномочия, указанные в ч.2 ст.37 УПК РФ (например, участие прокурора в судебных заседаниях на досудебной стадии рассмотрения дела), а также в статьях, закрепляющих особенности осуществления проверочных судебных производств, может быть истолковано как наличие дополнительного направления деятельности этого должностного лица в уголовном процессе – правозащитной функции, осуществляя которую прокурор обеспечивает контроль соблюдения Конституции РФ и исполнения федерального

законодательства в судебных стадиях после вступления приговора в законную силу, но уже не как государственно-властный субъект, указания которого обязательны для поднадзорных субъектов, а как равноправный с другими участник уголовного судопроизводства. Эта же правозащитная функция может быть усмотрена у прокурора в судебных заседаниях досудебного производства, например, при его участии в рассмотрении вопросов о применении мер процессуального принуждения, производстве отдельных следственных действий, либо рассмотрении жалоб участников.

Отсутствие у прокурора, осуществляющего правозащитную функцию государственно-властного статуса в отношении с судом, не позволяет рассматривать эту деятельность в качестве надзорной. Хотя несомненно, что при осуществлении надзора за деятельностью органов предварительного расследования прокурор в соответствии с требованиями закона о прокуратуре и положениями УПК РФ, обеспечивает охрану прав и свобод человека и гражданина. «Соблюдение прав и свобод человека и гражданина входит в сферы всех отраслей надзора, но предметом отдельной одноименной отрасли охватывается только соблюдение и только тех прав и свобод, которые не относятся к предметам других отраслей» [40]. Кстати, как отмечает Конституционный Суд РФ, в своем постановлении № 13-П от 29 июня 2004 г. прокурор, осуществляя уголовное преследование обязан всеми средствами обеспечить охрану прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве.

Определяя в качестве самостоятельного направления деятельности прокурора правозащитную функцию следует отметить, что предмет деятельности прокурора не ограничивается только охраной прав, свобод и интересов участников судопроизводства и других граждан, вовлекаемых в уголовный процесс. Как верно отметил В.В. Долежан, «правозащита как цель деятельности прокуратуры, достигаемая посредством всех функций и полномочий прокурора, должна пониматься в широком смысле, включающем охрану прав и законных интересов не только граждан но и государства и

общества» [48]. Именно в таком контексте следует обозначить данную функцию в УПК РФ и закрепить необходимые полномочия в статусе прокурора.

Завершая рассмотрение сложной проблематики, связанной с закреплением в действующем законодательстве правового положения и правосубъектности должностных лиц органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве, а также с пониманием соответствующей проблематики отечественными судами и формирующейся в данном отношении правовой доктриной, считаем необходимым внести предложения к изменению редакции важнейшей в данном отношении статьи 37 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Представляется, что соответствующее положение, которое фактически и юридически определяет правовое положение прокурора как участника уголовного процесса со стороны обвинения вообще и как лица, осуществляющего от имени государства функцию государственного обвинения в частности, субъекта, осуществляющего одновременно и функцию уголовного преследования и функцию надзора за органами дознания и предварительного следствия, более эффективно и целесообразно было бы изложить в следующей предлагаемой нами авторской редакции:

«Статья 37. Прокурор

1. Прокурор как руководитель органа прокуратуры, уполномочен осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства.

2. Осуществляя уголовное преследование в досудебном производстве прокурор уполномочен:

1) выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства;

2) рассматривать ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и т.д.

3) утверждать обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление по уголовному делу и направлять уголовное дело в суд;

4) возвращать уголовное дело дознавателю, следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или для пересоставления обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления и устранения выявленных недостатков;

3. Осуществляя уголовное преследование в судебном производстве прокурор уполномочен:

1) назначать государственного обвинителя, либо группу государственных обвинителей с определением руководителя группы;

2) давать письменные поручения о поддержании государственного обвинения;

3) согласовывать отказ государственного обвинителя от обвинения или его изменение, либо поддерживать государственное обвинение по утверждённому обвинительному заключению, акту, постановлению;

4) приносить апелляционное представление, если оно не принесено государственным обвинителем».

В свою очередь, также уточнения требует и нормативная основа, в рамках которой осуществляется правовое регулирование полномочий прокурора по реализации присущей данному субъекту в рамках уголовного судопроизводства правозащитной функции требует отдельного закрепления.

Представляется, что такое закрепление полномочий более эффективно и целесообразно с точки зрения используемой в рамках уголовно-процессуального законодательства юридической техники было бы сделать не посредством внесения изменений в уже содержащиеся в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, а посредством дополнения его новой самостоятельной статьей, посвященной этому процессуальному вопросу. Представляется, целесообразным осуществить подобное дополнение УПК РФ

в рамках отдельной статьи, предлагаемой нами главы 18.1 Раздела VI УПК РФ «Полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве», в которой соответствующая норма могла бы быть изложена следующим образом:

«Статья 139.1 Прокурор

1. Прокурор как руководитель органа прокуратуры, уполномочен осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, надзор за деятельностью органов предварительного расследования, а также обеспечивать соблюдение Конституции РФ и федерального законодательства.

2. Прокурор, обеспечивая соблюдение Конституции РФ и федерального законодательства, в том числе настоящего Кодекса, уполномочен:

1) принимать участие в судебных заседаниях, проводимых в ходе досудебного производства по вопросам применения мер процессуального принуждения; производства следственных действий, осуществляемых на основании решения суда, а также при рассмотрении жалоб участников судопроизводства, либо назначать из числа должностных лиц органа прокуратуры своего представителя для участия в судебном заседании;

2) принимать участие в судебных заседаниях судов в кассационной и надзорной инстанции, либо назначать из числа должностных лиц органа прокуратуры своего представителя для участия в судебном заседании;

3) приносить кассационные и надзорные представления.

3. Полномочия прокурора по осуществлению уголовного преследования в ходе уголовного судопроизводства установлены ст.37 настоящего Кодекса, как участника стороны обвинения.

4. Полномочия прокурора по надзору за деятельностью органов предварительного расследования установлены ст.ст. 139.2 и 139.3 настоящего Кодекса».

Критически оценивая отнесение прокурора к участникам стороны обвинения, что вносит еще больше путаницы в определение правового статуса прокурора, так как позволяет рассматривать его полномочия исключительно в аспекте обвинения, и подводя итоги проведенному исследованию правосубъектности прокурора, мы пришли к следующим выводам:

1. Прокурор с момента замещения должности руководителя органа прокуратуры приобретает должностную правосубъектность, позволяющую ему участвовать в любых отношениях, возникающих в ходе производства по уголовному делу, без принятия дополнительного уголовно-процессуального статуса.

2. Правовой статус прокурора как руководителя органа прокуратуры, распространяющийся в том числе на сферу уголовного судопроизводства, устанавливается Конституцией РФ и ФЗ «О прокуратуре РФ», и включает в себя полномочия по осуществлению трех уголовно-процессуальных функций: 1) надзора за деятельностью органов предварительного расследования, 2) уголовного преследования (обвинения), как участника стороны обвинения, а также 3) обеспечения соблюдения Конституции РФ и федерального законодательства.

3. Надзор за деятельностью органов предварительного расследования осуществляется исключительно прокурором и не может быть делегирован другим должностным лицам органа прокуратуры. Детализируя в УПК РФ, в порядке бланкетного нормотворчества, полномочия прокурора по процессуальному надзору, законодатель не позволяет составить полное и ясное представление о содержании и объеме данных полномочий, что требует совершенствования УПК РФ в этой части. Однако надзорные полномочия прокурора должны рассматриваться вне уголовно-процессуальных отношений, т.к. цели и задачи, стоящие перед надзирающим прокурором в уголовном процессе, аналогичны целям и задачам по другим видам надзора.

4. Функция прокурора по обеспечению соблюдения Конституции РФ и федерального законодательства (правозащитная функция) не выделена в

УПК РФ, однако ряд полномочий прокурора, осуществляемых в судебных заседаниях досудебного производства, либо в судебных заседаниях, проводимых после вступления судебного решения в законную силу, вытекающих из его общеправового статуса, установленного Конституцией РФ и ФЗ «О прокуратуре РФ» как «ока государева», позволяют утверждать о необходимости выделения данной функции. Ее содержание, независимо от стадии осуществления, составляют полномочия прокурора, обладающие следующими общими признаками: 1) не являются государственно-властными, осуществляются на основе равноправия с другими участниками; 2) осуществляются исключительно в рамках судебных заседаний; 3) направлены на обеспечение соблюдения действующего законодательства всеми должностными лицами уголовного судопроизводства; 4) обеспечивают интересы человека, общества и государства, а не отдельных сторон или участников судопроизводства. Полномочия, составляющие содержание данной функции, осуществляются как самим прокурором, на основании должностной правосубъектности, так и в порядке делегирования подчиненным должностным лицам органа прокуратуры. Для легализации деятельности должностных лиц органов прокуратуры по осуществлению данных полномочий необходимо в УПК РФ закрепить третью функцию прокурора и соответствующий ей уголовно-процессуальный статус лица для ее осуществления.

Заключение

Правосубъектность понимается как юридическое свойство лица, возникающее после приобретения им право- и дееспособности субъекта права и свидетельствующее о готовности лица вступать в отраслевые правоотношения в этом правовом статусе. Процесс формирования правосубъектности лица обусловлен характером отрасли права и характеристикой субъекта: в одних отраслях права правосубъектность формируется поэтапно - первоначально лицо получает статус субъекта права, обладающего исключительно правоспособностью, а затем, через какое-то время возникает дееспособность, и лицо становится правосубъектным. В других отраслях права, в том числе в уголовно-процессуальном праве, правосубъектность, как единство право- и дееспособности, появляется у лица одновременно с получением им статуса субъекта права. Уголовно-процессуальная правосубъектность – уникальное свойство участника уголовного судопроизводства, возникающее одновременно с получением им соответствующего процессуального статуса субъекта права, с определенным набором процессуальной право- и дееспособности. Соответственно установление правосубъектности участника уголовного судопроизводства невозможно без подтверждения у данного участника определенного статуса субъекта уголовно-процессуального права.

Содержание дефиниции «субъект права» обусловлено уровнем и предметом исследования. На нормативно-правовом уровне, предмет которого составляют правовые нормы и институты, субъект уголовно-процессуального права понимается как обобщенное (абстрактное), нормативно-определенное лицо с уникальным правовым статусом, имеющее собственное имя (наименование), установленный законом период «правовой жизни», исчисляемый от момента получения правового статуса и до его прекращения, а также определенный перечень процессуальных прав и обязанностей (полномочий).

На эмпирическом уровне исследования, предмет которого составляет правоприменительная деятельность, правовой статус субъектов уголовно-процессуального права проецируется на реальных физических и юридических лиц, в результате чего возникают персонифицированные субъекты права, способные вступать в уголовно-процессуальные отношения в качестве их участников. В этом смысле такие термины, как персонифицированные субъекты уголовно-процессуального права и участники уголовного процесса (судопроизводства) можно было бы рассматривать в качестве синонимов – представляется, что эти категории являются тождественными.

Подводя итоги проведенному анализу правосубъектности должностных лиц органов прокуратуры отметим, что обозначенный УПК РФ правовой статус прокурора допускает смешение различных процессуальных и не процессуальных ролей должностных лиц органов прокуратуры, что мешает эффективной организации их деятельности в уголовном судопроизводстве. Решение проблемы мы видим в законодательном разграничении и правовой регламентации двух видов правосубъектности должностных лиц органов прокуратуры:

1) должностной правосубъектности руководителя органа прокуратуры и вышестоящего прокурора, обладающих государственно-властными полномочиями в отношении подчиненных сотрудников и органов предварительного расследования;

2) уголовно-процессуальной правосубъектности должностных лиц органов прокуратуры, проявляющейся в двух процессуальных статусах:

- a. государственного обвинителя – одного из основных участников судебного разбирательства, обеспечивающего уголовное преследование (обвинение) виновных лиц;
- b. иного прокурора – как участника судебных заседаний, проводимых на любых стадиях судопроизводства, за исключением судебного разбирательства.

Также предлагаем ввести в Раздел VI главу 18.1 УПК РФ «Полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве», включив в нее следующие статьи:

«Статья 139.1 Предмет надзора за деятельностью органов предварительного расследования

Предмет надзора прокурора за деятельностью органов предварительного расследования составляют решения органов расследования, вынесенные в ходе досудебного производства:

1. об отказе в приеме и/или регистрации сообщения о преступлении;
2. о продлении сроков рассмотрения сообщения о преступлении;
3. об отказе в возбуждении уголовного дела;
4. о возбуждении уголовного дела;
5. о приостановлении производства по уголовному делу;
6. о прекращении производства по уголовному делу или уголовному

преследованию.

В ходе производства предварительного расследования прокурор уполномочен проверять законность действий органов предварительного расследования, если они могут привести к нарушению конституционных прав и свобод участников судопроизводства».

«Статья 139.2 Полномочия прокурора по надзору за деятельностью органов предварительного расследования

При осуществлении надзора за деятельностью органов предварительного расследования прокурор уполномочен:

- 1) запрашивать материалы проверки и/или уголовного дела по предмету надзора;
- 2) выносить требования об устранении выявленных нарушений;
- 3) отменять постановление о возбуждении уголовного дела;
- 4) отменять постановление об отказе в возбуждении уголовного дела с указанием обстоятельств, подлежащих дополнительному исследованию;

5) отменять постановление о приостановлении производства по уголовному делу с указанием обстоятельств, подлежащих дополнительному исследованию;

б) отменять постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, с указанием обстоятельств, подлежащих дополнительному исследованию».

В ходе производства предварительного расследования прокурор согласовывает ходатайства органов расследования о применении мер пресечения и совершении процессуальных действий, для производства которых необходимо судебное решение. Отказ прокурора в согласовании препятствует обращению органа расследования в суд.

Решения прокурора, вынесенные в пределах его компетенции обязательны для исполнения органом предварительного расследования, но могут быть обжалованы вышестоящему прокурору, решение которого окончательно.

Также мы пришли к следующим выводам:

- Прокурор с момента замещения должности руководителя органа прокуратуры приобретает должностную правосубъектность, позволяющую ему участвовать в любых отношениях, возникающих в ходе производства по уголовному делу, без принятия дополнительного уголовно-процессуального статуса.
- Правовой статус прокурора как руководителя органа прокуратуры, распространяющийся в том числе на сферу уголовного судопроизводства, устанавливается Конституцией РФ и ФЗ «О прокуратуре РФ», и включает в себя полномочия по осуществлению трех уголовно-процессуальных функций: надзора за деятельностью органов предварительного расследования, уголовного преследования (обвинения), как участника стороны обвинения, а также обеспечения соблюдения Конституции РФ и федерального законодательства.

- Надзор за деятельностью органов предварительного расследования осуществляется исключительно прокурором и не может быть делегирован другим должностным лицам органа прокуратуры. Детализируя в УПК РФ, в порядке бланкетного нормотворчества, полномочия прокурора по процессуальному надзору, законодатель не позволяет составить полное и ясное представление о содержании и объеме данных полномочий, что требует совершенствования УПК РФ в этой части. Однако надзорные полномочия прокурора должны рассматриваться вне уголовно-процессуальных отношений, т.к. цели и задачи, стоящие перед надзирающим прокурором в уголовном процессе, аналогичны целям и задачам по другим видам надзора.
- Функция прокурора по обеспечению соблюдения Конституции РФ и федерального законодательства (правозащитная функция) не выделена в УПК РФ, однако ряд полномочий прокурора, осуществляемых в судебных заседаниях досудебного производства, либо в судебных заседаниях, проводимых после вступления судебного решения в законную силу, вытекающих из его общеправового статуса, установленного Конституцией РФ и ФЗ «О прокуратуре РФ» как «ока государева», позволяют утверждать о необходимости выделения данной функции. Ее содержание, независимо от стадии осуществления, составляют полномочия прокурора, обладающие следующими общими признаками: не являются государственно-властными, осуществляются на основе равноправия с другими участниками; осуществляются исключительно в рамках судебных заседаний; направлены на обеспечение соблюдения действующего законодательства всеми должностными лицами уголовного судопроизводства; обеспечивают интересы человека, общества и государства, а не отдельных сторон или участников судопроизводства. Полномочия, составляющие содержание данной функции, осуществляются как самим

прокурором, на основании должностной правосубъектности, так и в порядке делегирования подчиненным должностным лицам органа прокуратуры. Для легализации деятельности должностных лиц органов прокуратуры по осуществлению данных полномочий необходимо в УПК РФ закрепить третью функцию прокурора и соответствующий ей уголовно-процессуальный статус лица для ее осуществления.

В ходе проведенного исследования, были сформулированы следующие определения и положения:

- Субъект отраслевого права – это виртуальное лицо, созданное юридическими предписаниями, обладающее определенным набором прав, обязанностей и ответственности в конкретной сфере/отрасли правового регулирования. У каждого субъекта отраслевого права есть свой период «правовой жизни», который начинается с момента получения лицом статуса субъекта права, а завершается – с его прекращением. Правовой статус субъекта права включает в себя следующие обязательные элементы, подлежащие обязательному нормативно-правовому закреплению: основания приобретения статуса субъекта права; основания прекращения статуса субъекта права; последовательность получения право- и дееспособности (порядок формирования правосубъектности); перечень отраслевых прав, обязанностей и ответственности.
- Правосубъектность как юридическое свойство субъекта отраслевого права, основанное на совокупности отраслевой право- и дееспособности, имеет различный порядок формирования; в одних отраслях правосубъектность формируется поэтапно: первоначально лицо получает лишь правоспособность, а затем через какое-то время приобретает дееспособность и становится правосубъектным (поэтапное формирование правосубъектности); в других отраслях лицо одновременно приобретая право- и дееспособность становится

правосубъектным (одномоментное формирование правосубъектности). Процессуальная правосубъектность субъектов уголовно-процессуального права формируется в порядке одномоментного приобретения ими право- и дееспособности при получении процессуального статуса и проявляется в течение всего периода «правовой жизни» субъекта права.

- Процессуальная правосубъектность должностных лиц органов прокуратуры возникает с момента получения ими процессуальных статусов следующих субъектов права: прокурор, государственный обвинитель и надзирающий прокурор.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Абрамов А.М. Понятие субъекта права в сфере социально-экономических отношений // История государства и права. 2007. № 16. С. 3-5.
2. Академик. Словари и энциклопедии на Академике / Словарь иностранных слов русского языка // https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/12886/ФУНКЦИЯ.
3. Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса Воронеж. Изд-во Воронеж. ун-та. 1980. 252 с.
4. Алексеев С.Л., Вотчель Н.Р. Прокурорский надзор: учебное пособие. / Под ред. Ф.Н. Багаутдинова. Казань: Информационно-технологический центр АСО. 2014. 126 с.
5. Алексеев С.С. Общая теория права. Изд. 2-е, переработ. и доп. М., 2008. 380 с.
6. Алексеев С.С. Общая теория права. Курс в 2-х томах. Т. 2 / Алексеев С.С. - М.: Юрид. лит., 1982. 360 с.
7. Алиев Р.А. Функции и полномочия прокурора в уголовном процессе России // Закон и право. 2021. № 2. С.104-105.
8. Амирбеков К.И. Полномочия прокурора по уголовному преследованию в судебных стадиях уголовного судопроизводства // Вестник Университета прокуратуры РФ. 2021. № 6 (86). С.25-32.
9. Анисимов Г.Г. Проблемы реализации прокурором функции уголовного преследования // Законность. 2019. № 9 (1019). С.15-18.
10. Антонович Е.К. Правосубъектность свидетеля в уголовном судопроизводстве: миф или реальность? // Российский следователь. 2019. № 12. С.24-27.
11. Артеменков В.К. К вопросу о признании прокуратуры РФ государственным органом в контексте проблемы наличия у нее правосубъектности // Законность. 2022. № 7. С 3-7.

12. Архипов С.И. Субъект права. Теоретическое исследование. СПб.: Юрид.центр Пресс., 2004. 469 с.
13. Афанасьев С.Ф. К проблеме материальной и процессуальной правосубъектности искусственного интеллекта // Вестник гражданского процесса. 2022. N 3. С. 12 - 31. DOI: 10.24031/2226-0781-2022-12-3-12-31 (www.doi.org).
14. Бабенко С.В. К вопросу о соотношении функций прокурора на досудебной стадии уголовного судопроизводства // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 3 (44). С. 32-36.
15. Бажанов С.В. К вопросу о состоятельности функции уголовного преследования вообще и функции прокурорского уголовного преследования в частности // Российская юстиция. 2017. № 4. С.52-55.
16. Бахта А.С. О соотношении понятий «участники уголовного судопроизводства» и «субъекты уголовно-процессуального права» // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 12. С. 45-47.
17. Беляк Л. Законность привлечения к уголовной ответственности // Законность. 2008. № 10. С. 2-6.
18. Березовская С.Г. Сущность и основные характеристики правовых отношений в сфере прокурорского надзора // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 3 (95). С.122-131.
19. Бессарабов В.Г., Кашаев К.А. Защита российской прокуратурой прав и свобод человека и гражданина. М., 2007. 383 с.
20. Биктагиров Р.Т. Институт прокуратуры в механизме российского государства // Гражданин. Выборы. Власть. 2016. № 2-3. С.143-158.
21. Богданов Е.В. Проблемы правосубъектности человека // Государство и право. 2017. № 1. С.23-29.
22. Бочаров А.Н. Теоретические проблемы гражданской правосубъектности должника в банкротстве // Хозяйство и право. 2022. № 3. С. 93 - 98. DOI: 10.18572/0134-2398-2022-3-93-98 (www.doi.org).

23. Буглаева Е.А. Участие прокурора в ходе предварительного следствия /Автореф. дисс. канд. юрид. наук. Челябинск. 2011. 23с.
24. Буланова Н.В. Прокурор в уголовном судопроизводстве: пути совершенствования процессуального статуса // Уголовное право. 2017. № 4. С.33-36.
25. Бычкова С.С., Дмитриев С.Н. Гражданская процессуальная правосубъектность как предпосылка приобретения гражданского процессуального статуса / В сборнике: Проблемы гражданского права и процесса: Сборник научных статей. Гродно. 2018. С. 257-264.
26. Варпаховская Е.М., Деревскова В.М. Развитие прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия в судебных реформах России XIX в XX вв. // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 1 (81). С.102-108.
27. Васильев О.Л. Поправки к Конституции РФ и изменение роли прокурора в отечественном уголовном процессе // Закон. 2017. № 3. С 46-59.
28. Васькевич В.П. Правосубъектность как предпосылка ведения профессиональной деятельности спортсмена // Гражданское право. 2022. N 4. С. 13-16. DOI: 10.18572/2070-2140-2022-4-13-16 (www.doi.org).
29. Вецкая С.А., Муллагалеева Л.Р. Отдельные вопросы реализации прокурором функции уголовного преследования на досудебной стадии уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С.60-65.
30. Винокуров А.Ю. О новеллах в Конституции Российской Федерации, затрагивающих статус прокуратуры // Представительная власть - XXI век. 2014. № 7 - 8. С. 22.
31. Винокуров А.Ю. Поправки к Конституции Российской Федерации в контексте закрепления статусных положений о прокуратуре // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 4. С.3.
32. Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М. 1979. С.89.

33. Войтович А.П. Прокурорский надзор за дознанием и предварительным следствием в свете приказа Генерального прокурора РФ // *Мировой судья*. 2022. № 3. С. 10-13.
34. Володина Л.М. Назначение, функции и задачи уголовного судопроизводства // *Известия Алтайского государственного университета*. 2015. № 2-2 (86). С.14-18.
35. Востриков П.П. Правовой статус личности: понятие, структура, судебные гарантии // *Реформирование судебной системы в России: история и современность: сборник научных трудов, посвященный 80-летию Нижегородского областного суда*. В двух частях. Часть 1 / Под ред. А.В. Бондара, В.В. Ершова и др. Н. Новгород: Изд-во «Автор». 2018. 406 с.
36. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948г. // *Консультант Плюс*.
37. Выдря М.М. Расследование уголовного дела – функция уголовного процесса // *Советское государство и право*. 1980. № 9. С.78-82
38. Выдря М.М. Участники судебного разбирательства и гарантии их прав. Краснодар. 1979. 101 с.
39. Гаврилов Б.Я. Прокурор в современном уголовном производстве: позиция ученого и мнение правоприменителя // *Российская юстиция*. 2020. № 3. С. 33-39.
40. Гальченко А.И. Функции прокуратуры Российской Федерации: спорные вопросы // *Lex russica*. 2014. № 11. С. 1346-1359.
41. Гараева Г.Х. Супружеская правосубъектность как разновидность семейной правосубъектности // *Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета*. 2010. № 2 (20). С. 197-201.
42. Головкин Л.В. Участие государства в уголовном судопроизводстве: от «равенства оружия» к реалистичным концепциям // *Государство и право*. 2020. № 6. С. 107-118.
43. Гражданское право: в 4-х т. Том 1. Общая часть. Отв.ред. Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.:Волтерс Клувер. 2004. 624 с.

44. Деришев Ю.В. Уголовное досудебное производство: проблемы и пути реформирования // Уголовное право. 2005. №1. С.81-83.
45. Диваев А.Б. Субъект уголовно-процессуального права и субъект уголовно-процессуального отношения: соотношение понятий // В сборнике: Правовые проблемы укрепления российской государственности. Под ред. М.К. Свиридова и др. Томск. 2012. С.23-28.
46. Диваев А.Б. Уголовно-процессуальная правосубъектность // Законодательство и практика. 2021. № 1 (46). С.29-33.
47. Дикарев И.С. Уголовно-процессуальная функция прокурора в судах кассационной и надзорной инстанций // Уголовное судопроизводство. 2022. № 2. С- 28-32.
48. Долежан В.В. Проблемы компетенции прокуратуры // Государство и право. 1994. № 2. С.22-23.
49. Дорошков В.В. Общие и специальные полномочия прокурора в уголовном процессе // Мировой судья. 2015. № 11. С.13-19.
50. Ергашев Е. Проблемы правового статуса прокурора в досудебном производстве по уголовному делу // Уголовное право. 2008. № 4. С.89.
51. Ермолаева Т.А., Ананьева А.А. Гражданская правосубъектность физических лиц: эволюция содержания // Lex Russica. 2019. № 12. С.11.
52. Жубрин Р.В. Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации // Вестник Университета прокуратуры РФ. 2020. 2 (76). С.23.
53. Жук О.Д. Формы и виды уголовного преследования // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 11. С.104-109.
54. Зеленина О.А. Физическое лицо как субъект уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2010. № 2 (20). С.15-18.
55. Зусь Л.Б. Об уголовно-процессуальной правосубъектности // Правоведение. 1975. № 5, С.49-54.

56. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: из истории цивилистической мысли. М. 2000. 777 с.
57. Иоффе О.С. Спорные вопросы учения о правоотношении. Очерки по гражданскому праву. – Л., 1957. С.21-64.
58. Камчатов К.В. Тимошенко А.А. Деятельность прокурора в уголовном судопроизводстве: оценка эффективности // Российская юстиция. 2017. № 11. С.29-33.
59. Карасева (Сенцова) М.В. Федеральная налоговая служба: специальная и общая правосубъектность // Финансовое право. 2022. № 4. С. 19-22.
60. Клещев С.В. «Прокурорский» повод для возбуждения уголовного дела: проблемы реализации // Вестник экономической безопасности. 2018. № 3. С.174-179.
61. Ковтун Н.Н. Формирование государственного обвинения как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства России // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 123-137.
62. Козлова Н.В., Филиппова С.Ю. Очерк 1. Физическое лицо как субъект российского гражданского права: в поисках понятия // Физические лица как субъекты российского гражданского права: монография. / А.С.Ворожевич, О.И. Гентовт, Н.В. Козлова и др.; отв. ред. Н.В. Козлова, С.Ю. Филиппова. - М.: Статут. 2022. 350 с.
63. Кокорев Л.Д. Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж: Изд-во Воронежского универ-та. 1971. 160с.
64. Корецкий В.И. Гражданское право и гражданские правоотношения в СССР. Душанбе. 1967. 128 с.
65. Корешникова Н.Р. Деятельность прокурора в уголовном процессе как реализация принципа субсидиарности ветвей власти // Законность. 2023. № 3 (1061). С.7-10.

66. Костян И.А. Вопросы правосубъектности работодателя (юридического лица) // Трудовое право в России и за рубежом. 2020. № 4. С. 7-10.
67. Красавчиков О.А. Гражданская правосубъектность как правовая форма // Правовые проблемы гражданской правосубъектности. Межвузовский сборник научных трудов. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та. 1978. Вып.62. С.5-26.
68. Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права: Избранные труды. В 2-х т. М, 2005. Т.2. С.31-32.
69. Красавчиков О.А. Социальное содержание правоспособности советских граждан // Правоведение. 1960. № 1. С.18.
70. Кругликов А.П., Бирюкова И.А. Процессуальное руководство прокурором уголовным преследованием от имени государства – принцип уголовного судопроизводства // Законность. 2019. № 2 (1012). С.38-42
71. Крюков В.Ф. Уголовное преследование в судебном производстве: уголовно-процессуальные и надзорные аспекты деятельности прокурора. Курск, 2010. 412 с.
72. Кузнецов О.Ю. Правосубъектность переводчика в уголовном процессе // Вестник международного юридического института при Министерстве юстиции РФ. 2005. № 1 (13). С.47-78.
73. Кузнецов С.В., Хасимова Л.Н. Институт правосубъектности в общей теории права: основные подходы и взгляды // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 2. С.35-38.
74. Кукса П.А. О функциях прокурора в уголовном судопроизводстве // Уголовная юстиция. 2021. № 17. С.54-57.
75. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В.Головки. – 2-е изд., испр. – М.: Статут. 2017. 1280 с.
76. Лазарева В.А. Взаимодействие следователя, руководителя следственного органа и прокурора при возбуждении и осуществлении уголовного преследования // Правовая парадигма. 2021. Т.20. № 2. С.41-48.

77. Лазарева В.А. Участие прокурора в уголовном процессе: Учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. М.: Изд-во Юрайт. 2019. 253с.
78. Лазарева В.А., Вершинина С.И. О процессуальном статусе должностных лиц органов прокуратуры, участвующих в уголовном судопроизводстве // Правовая парадигма. 2022. Т. 21. № 2. С.6-10.
79. Малеин Н.С. Гражданский закон и права личности в СССР. М. 1981. С.83.
80. Манова Н.С. Модель деятельности прокурора в уголовном процессе: ключевые проблемы и возможности реформы // Правовая парадигма. 2022. Т.21. № 2. С.43-50.
81. Марченко М.Н. Проблемы общей теории государства и права. В 2-х т. Т.2. М.: Велби. 2016. 670 с.
82. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов: Изд-во Саратовского универ-та. 1987. 294 с.
83. Матузов Н.И. Субъективные права граждан СССР. Саратов. 1966. 188 с.
84. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М.: Юрист. 2004. 245 с.
85. Мицкевич А.В. Избранное. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. 2010. С.150-151.
86. Мицкевич А.В. Субъекты советского права. М.: Госюриздат. 1962. 213 с.
87. Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Пособие для прокурорской службы. Т.1: Прокуратура на Западе и в России. –М.: Университетская типография. 1889. 552 с.
88. Назаров С.Н. Исторические основы понятия «уголовное преследование» // Юрист-Правоведь. 2022. № 1 (100). С.47-52.
89. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М.: ИНФРА-М. 2009. 844 с.

90. Ожегов С.И. Толковый словарь Ожегова. // <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/180110>.

91. Определение Конституционного Суда РФ от 26 февраля 2021 г. № 277-«Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы публичного акционерного общества "Сбербанк России" на нарушение конституционных прав абзацами третьим и четвертым части 1 статьи 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, пунктом 1 статьи 10 и пунктом 2 статьи 168 Гражданского кодекса Российской Федерации».

92. Османова Н.В. Основы построения концепции уголовного преследования и его начала // Российский следователь. 2021. № 4. С. 59-61.

93. Полянский Н.Н. Очерк развития советской науки уголовного процесса. М., 1960. С.165.

94. Попова Т.Ю. Соотношение правового и процессуального статуса руководителя следственного органа // Известия Юго-Западного государственного университета. 2018. Т.22. № 2 (77). С.158-165.

95. Поскачина М.Н. Отношение понятий «субъект права» и «трансцендентальный субъект» в теории права // Вестник балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1. С.5-9.

96. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 (ред. от 16.05.2017 г.) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // КонсультантПлюс.

97. Приказ Генпрокуратуры России от 30.06.2021 г. № 376 (ред. от 03.07.2024) «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства»// КонсультантПлюс.

98. Приказ Генпрокуратуры России от 13.12.2023 г. № 877 «О внесении изменений в приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 30.06.2021 № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» // КонсультантПлюс.

99. Приказ Генпрокуратуры России от 17.09.2021 г. № 544 (ред. от 22.02.2023) «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // КонсультантПлюс.

100. Приказ Генпрокуратуры России от 27.11.2007 г. № 189 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве» // КонсультантПлюс.

101. Приказ Генпрокуратуры РФ от 15.03.2010 № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам» // КонсультантПлюс.

102. Проблемы теории права и правореализации: Учебник / Отв.ред. Л.Т. Бакулина. М.: Статут. 2017. 384 с.

103. Пятков Д.В. Формирование правосубъектности предпринимателя // Журнал российского права. 2006. № 1 (109). С.85-97.

104. Решетова Н.Ю. Функции прокурора после завершения предварительного расследования и до начала судебного разбирательства уголовного дела // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 5 (79). С.44-50

105. Рохлин В.И. Прокурорский надзор в Российской Федерации. СПб. 1998. 112 с.

106. Рябинина Т.К. О функциях прокурора в уголовном процессе: дискуссия продолжается // Уголовное судопроизводство. 2007. № 2.

107. Рябцев В.П., Алексеев А.И., Бессарабов В.Г. Роль и место органов прокуратуры в системе государственных институтов Российской Федерации // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 3 (95). С. 202-211.

108. Селиверстов М.В., Назарбекова Г.Н. Понятие субъекта трудового права и элементы трудовой правосубъектности // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2021. Т.21. № 7. С. 105-109.

109. Синельщиков Ю.П. О функциях прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса // Российский следователь. 2008. № 17. С. 9-14.
110. Синельщиков Ю.П. Перспективы развития законодательства о прокуратуре // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 6 (86). С.13-24.
111. Смолицкая Е.Е. Гражданско-правовые институты, понятия и термины в налоговом праве: монография / Е.Е. Смолицкая. Москва: Проспект, 2018. 174 с.
112. Соловьева Н.А., Ильясова А.К. Постановление прокурора как повод для возбуждения уголовного дела: проблемы совершенствования законодательства // Правовая парадигма. 2019. Т.18. № 4. С. 131-139.
113. Спесивов Н.В. Проблемы реализации прокурором функции уголовного преследования // Законность. 2024. № 2//ИПО «Гарант»
114. Стрельников В.В. Уголовное преследование прокуратурой // Эж-Юрист. 2012. № 1-2. С. 3.
115. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т.1. С.188.
116. Строгович М.С. Сущность прав личности. Ее правовой статус //Права личности в социалистическом обществе /Витрук Н.В., Карташкин В.А., Ледах И.А. и др. Ответ.ред. Кудрявцев В.Н. и Строгович М.С. М,: Наука. 1981. 272 с.
117. Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М.: Издательство АН СССР, 1951. 191 с.
118. Супрун С.В. Прокурорский надзор и ведомственный контроль: соотношение и перспективы развития // Российская юстиция. 2011. № 1. С. 46-48.
119. Табельский С.В. Некоторые проблемы правосубъектности в административно-процессуальных отношениях // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2021. № 3. С.56-61.

120. Таран А.С. Уголовно-процессуальная правосубъектность адвоката: понятие и признаки // Вестник Волжского университета им. В.Н.Татищева. 2019. Т.2 № 4. С. 132-140.
121. Таран А.С. Уголовно-процессуальная правосубъектность: постановка проблемы // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т.3. № 2. С. 97-92.
122. Тарасов А.А. Должностное лицо как субъект уголовно-процессуальных отношений // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 4 (90). С.106-112.
123. Татьяна Л.Г. Виды деятельности прокурора в уголовном процессе России // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 3 (7). С. 30-33.
124. Теоретико-правовые и организационные основы участия прокурора в уголовном судопроизводстве: монография / Под общ.ред. А.Г. Халиулина; Акад.Ген.прокуратуры РФ. М., 2016. 505 с.
125. Трухачев В.В., Ахмедов У.Н. Функции и полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве и их отражение в процессуальном статусе прокурора // Вестник Воронежского института МВД РФ. 2020. № 1. С.195-202.
126. Тугутов Б.А. Функции прокурора на судебных стадиях уголовного процесса: диссертация К.ю.н. М., 2014. 186 с.
127. Тушев А.А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации: система функций и полномочий / автореф.диссертации на соиск. ученой степени д.ю.н. Краснодар. 2006. 384 с.
128. Уголовно-процессуальное право РФ: Учебник / Отв. ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова. – М. : Норма: ИНФРА-М. 2021. 1072 с.
129. Уголовный процесс: Учебник для вузов / Под.ред. В.П.Божьева, Б.Я. Гаврилова. - М. : Изд-во Юрайт. 2021. 567 с.
130. Уздимаева Н.И., Козуров А.С. Субъект права: основные подходы к пониманию // Контентус. 2020. № 4. С.135-143.

131. Фадеев П.В. Теоретические основы правовой помощи участникам уголовного судопроизводства. М.:Юрлитинформ. 2014. 278 с.
132. Хабриева Т.Я. Введение / правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н.Братуся. М., 2017. С.21-28.
133. Халиулин А.Г. Уголовно-процессуальное законодательство России о деятельности прокурора // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 3 (82). С.84-96.
134. Халфина Р.О.Общее учение о правоотношении. Институт гос-ва и права АН СССР. М.: Юрид.лит-ра. 1974. 351 с.
135. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М.: Юридическая литература. 1974. С.119-120.
136. Хамгоков М.М. О процессуальных органах как субъектах уголовного процесса в Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2019. № 1. С. 144-146.
137. Хрептова Т.П. О соотношении понятий финансовой правосубъектности и правосубъектности других отраслей права // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. 2017. № 4. С. 166-174.
138. Хрептова Т.П. О соотношении субъекта финансового права и субъектов других отраслей права // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2020. № 2 (835). С.280-285.
139. Честнов И.Л. Субъект права: дополнительность правового статуса и правовой идентичности // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 2 (94). С. 5-11.
140. Чурикова А.Ю. Правовая модель деятельности прокурора в российском и зарубежном уголовном процессе: монография / под ред. Н.С. Мановой. –М. Изд-во Триумф. 2022. 285с.

141. Шейбанов А.Ф. Советское социалистическое общенародное право. М.: Изд-во Универ-та Дружбы народов. 1963. 100 с.
142. Шевчук А.Н. Соотношение функций уголовного преследования и обвинения в ходе досудебного производства // Военное право. 2021. № 3 (67). С. 229-236.
143. Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти: Монография. М. Норма: ИНФРА-М. 2013. 192 с.
144. Шершеневич Г.Ф. Избранное: в 6 т. Т. 4 включая Общую теорию права / Вступ. Слово, сост.: П.В.Крашенинников. М.: Статут. 2016. 752 с.
145. Шобухин В.Ю. Конституционно-правовой статус прокуратуры РФ // Российский юридический журнал. 2004. № 1. С.133.
146. Шобухин В.Ю. Прокурорское право – отрасль российского права // Законность. 2009. № 7 (897). С.43-45.
147. Шпилев В.М. Участники уголовного процесса. Минск: Изд-во Белорус.унив-та. 1970. 176с.
148. Эмих В.В. Правосубъектность и компетенция государственных органов: содержание понятий и их соотношение // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2009. Вып.9. С. 423-432.
149. Ястребов В.Б. О деятельности стороны обвинения в уголовном судопроизводстве // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 1. С.87-96.